

Литрес

ГРИГОРИЙ
ШАРГОРОДСКИЙ

ОЦЕНЩИК
НЕВИДИМАЯ СТОРОНА

Григорий Константинович Шаргородский

Оценщик. Невидимая сторона

Серия «Оценщик», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69371239
ISBN 978-5-535-24716-8

Аннотация

Ах, Женева! Волшебный город – прибежище различных рас пришельцев из другой реальности и людей с магическими способностями. Моя мечта попасть в сказку осуществилась, только что-то не очень радужно складывается жизнь мага с редким даром оценщика. Вечно меня тянет на приключения, за что жандармский куратор-гоблин и называет залетчиком. А я-то в чем виноват? Честно пытаюсь помочь людям, да и нелюдям тоже, но куда не ткнусь, то пристрелить норовят, то вообще сожрать, причем не одичавшие морлоки, а истинные гурманы. Но ведь иначе никак, у всего во вселенной есть другая, темная, порой невидимая с первого взгляда сторона и за все нужно платить, особенно за жизнь в сказке.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	47
Глава 3	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Григорий Шаргородский

Оценщик.

Невидимая сторона

Пролог

– Слушай, Франсуа, ты уверен, что это место полностью безопасно?

– Конечно! – беспечно улыбнулся невысокий, в меру упитанный мужчина с мягкими чертами лица. – Я здесь уже бывал, и ничего страшного со мной не случилось.

Любой сторонний наблюдатель, имеющий хоть какой-то опыт жизни в Женеве, вполне разделит бы беспокойство спутника слишком уж уверенного в себя Франсуа. Нижние уровни человеканика Артур – это совсем не то место, где стоит вести себя беспечно, но провожатый по-прежнему не выказывал ни тени беспокойства:

– Андре, поверь, все, что я тебе обещал, ты получишь сполна, и мы спокойно вернемся в Серый город.

Человеканик Артур вообще-то считался самым безопасным из всей цепи мегазданий-пригородов, но на третьих и тем более четвертых ответвлениях улиц от главного Серпантина вступали в силу совсем другие социальные правила,

и были они одинаково суровыми, что в Артуре, что в Святогоре, и уж тем более в человеконике под не совсем стандартным названием Табор.

В этот серый, полутемный коридор в глубине массива мезандрия парочка попала через небольшой китайский ресторанчик, чей фасад выходил на улицу-тоннель с невысоким потолком. Конечно, невысоким он считался в сравнении с Серпантинном, где если не особо смотреть вверх, то вообще можно подумывать, что находишься под открытым небом.

Рестораном сие убого заведение назвать трудно – скорее, закусочная. И вообще, все тут выглядело слишком уж запущенно. Посетителей почти не было. Андре вполне обоснованно подумал, что это всего лишь ширма для потайного хода в еще более потайное место. Если быть до конца честным, он уже пожалел о том, что поделился своей гастрономической мечтой с человеком, которого знает всего полтора дня. Но Франсуа покорила парижанина своим живым обаянием, а также умением удивительно ярко и заразительно описывать наслаждения от дегустации самых диковинных блюд в самом необычном городе на Земле. Женевец сумел завести воображение и вождение парижского гурмана до такой степени, что тот все же поддался почти демоническому искушению. В конце концов, в погоне за острыми гастрономическими ощущениями он где только не побывал: в Марокко, Индонезии и даже в заснеженном Якутске.

Беспокойство Андре немного поутихло, когда они про-

шли коридор и, минуя угрюмого охранника, вышли в зал респектабельного на вид ресторана. За столиками сидело несколько пар, которые казались вполне приличной публикой. Новых гостей тут же встретил официант и по просьбе Франсуа провел их в отдельный кабинет. Когда они наконец-то уселись за накрытый белоснежной скатертью стол, Франсуа начал что-то нашептывать на ухо склонившегося к нему официанта.

Лицо гарсона выражало максимальное внимание и понимание:

– Все будет готово через пять минут, – улыбнувшись, сказал на общем официант.

Андре пока не полностью освоил низший эльфийский, но понимал практически все. В устах человека язык из иного мира лишь добавлял этому месту таинственного флера. Парижанин окончательно успокоился и принялся ждать. Франсуа решил развлечь гостя беседой:

– Поверь, мой друг, страховка от подделки абсолютная. Это место работает напрямую с лучшими поставщиками. – Понизив голос, женевец с крайне таинственным видом добавил: – Их называют службой доставки деликатесов.

– СДД? – удивленно поднял бровь парижанин.

Любой, кто хоть как-то был связан с ресторанным миром и мировой элитой гурманов, хоть что-то, но все же слышал об этой организации. Ее сравнивали с самыми известными наркокартелями и сильнейшими организациями контрабан-

ды оружия. Только в этом случае дельцы занимались поставками всевозможных ингредиентов для приготовления самых диковинных блюд. Андре и сам однажды пользовался услугами СДД. Нет, не напрямую, а через нескольких посредников, но именно так он получил мясо белого носорога.

Маленький кусочек жилистого стейка не так уж потешил его вкусовые рецепторы, но вся таинственность и запретность «плода» оказалась приправой получше любого перца, ациса или бадьяна. Теперь Андре окончательно поверил, что через пять обещанных гарсоном минут он попробует блюдо, дегустацией которого не может похвастаться ни один из его знакомых гурманов.

От предвкушения парижанина пробила легкая дрожь. Действительно, прошло не больше пяти минут, и в кабинет вернулся официант с подносом, накрытым сферической термомокрышкой. За ним явился еще один гарсон, который расположил такой же поднос перед Франсуа. Крышки они сняли синхронно, и Андре с замиранием посмотрел на полупорционную тарелку, в которой среди незнакомых водорослей в синеватом желеобразном соусе размещались три круглых объекта. Зеленовато-серые шарики были не больше мяча для пинг-понга.

Андре наклонился над тарелкой и втянул в себя странно-приятный аромат. Словно боясь, что наваждение исчезнет, он схватил специальную ложечку и поддел ею самый необычный под этими небесами продукт: маринованную ик-

ринку гоблинов.

Необычайный, непередаваемый вкус ударил по его рецепторам, практически доводя до грани экстаза. То, что из этих икринок на белый свет могли появиться живые, а самое главное, разумные существа, извращенного гурмана совершенно не волновало. После того как в одном из притонов Мумбая он попробовал человечину, такие морально-этические мелочи казались ему несущественными.

Андрее подхватил ложкой вторую икринку, и теперь его наслаждение стало полным. Он ловил каждую нотку ощущений, крепко зажмурил глаза и откинувшись на спинку стула. Так же, с закрытыми от удовольствия глазами, он и уснул.

Не притронувшись к своему блюду, которое было полностью бутафорским, Франсуа презрительно сморщился, выдернул из-за ворота рубашки салфетку и бросил ее на стол. Оба официанта тут же растеряли всю свою угодливость и вежливость. Они на минуту покинули кабинет, а затем вернулись, неся испещренный резными рунами ящик, больше похожий на гроб. Компанию им составил гoblin.

Существо, похожее на антропоморфную лягушку с бурой шкурой, словно косплеило Чарли Чаплина, вырядившись в куцый пиджачок, котелок и опираясь на трость. В этом месте и в этой компании он выглядел совсем инородным, но только для гостей Женевы. А вот Франсуа и официанты, будучи истинными женеvцами, не обращали на гоблина внимания больше, чем друг на друга.

– Как все прошло? – спросил гоблин на чистом французском, без единой нотки акцента. При этом его челюсти двигались совершенно невпопад издаваемым звукам.

Вообще-то он мог бы и вовсе не открывать рот, общаясь подобно чревовещателю, ведь там совсем другое строение речевого аппарата, но так было удобнее.

– Идеально! – расплылся в улыбке Франсуа.

– Рекомендации? – уточнил переселенец из другого мира.

Франсуа на минутку задумался, словно художник перед первым мазком по холсту, и сказал:

– Думаю, через сорок минут вы можете включать эту вашу штуку.

Человек с непонятым выражением на лице указал пальцем на ящик-гроб, в который укладывали уснувшего парижанина. Как точно называется и тем более работает этот артефакт, создающий, по заверениям земных ученых, аналог стазис-поля, он, конечно же, не знал.

– За это время икра начнет перевариваться, а дофамин разойдется по клеткам плоти, как и заказывал ваш клиент.

Франсуа был абсолютно спокоен, и то, что через пару дней в другом мире такой же извращенец, но гоблинской расы разделает его нового знакомого на стейки или какие-то местные блюда, женевца совершенно не волновало. В среде таких, как он и спокойно спящий, перешедший в разряд продуктов Андре, слюнтяев не бывает.

Часть первая

Глава 1

Поправив стрелковые наушники на голове, я вздохнул и с ноткой обреченности громко сказал:

– Поехали.

Эта команда предназначалась программке на моем смартфоне, которую написал Бисквит. Она через вайфай управляла странной конструкцией, также собранной моим другом-артефактором. Огромные лапищи зеленокожего орка были на удивление ловкими. Так что агрегат выглядел не очень массивным, зато крайне опасным, особенно учитывая торчащий из переплетения проводов и металлических рамок оружейный ствол. И калибр там был немаленький.

Реагируя на мое восклицание, стоящий в противоположном углу подвала агрегат тихо загудел, затем выстрелил. К этому времени я успел активировать щит. Центром и опорой загудевшего силового поля, прозрачной линзой метрового диаметра возникшего передо мной, являлась зажатая в левой руке палочка-щитовик. Внутри энергетической формации замелькал светлячок. Сейчас он был совершенно бесполезен, но менять этот стикер на другой без светлячка-симбионта я, конечно же, не собираюсь, даже если буду уверен,

что больше никогда не увижу ни одну тень из-за изнанки.

И вообще с этим светлячком не все так просто. Ведь он при встрече с теневым големом сбежал, зараза. Но когда уже после всех событий я активировал щит, светлячок оказался на месте. А еще Бисквит сказал, что с ним что-то не так, но что именно – не объяснил.

Резиновая пуля с жужжанием отскочила от щита и ударилась в вязаный мат на стене, что позволило избежать дальнейшего рикошета. Это был еще один совет Бисквита, за что я ему тоже благодарен.

Уроки на специализированной секции, которые вел невысокий молчаливый испанец, явно имевший бандитское прошлое, дали о себе знать. Второй и третий выстрел я отразил с такой же легкостью. Конечно, резиновые пули – это вам не свинцовые снаряды, но, по заверениям того же Бисквита, даже с теперешним моим уровнем создания силового щита я смогу отразить как минимум две, а то и три пули. А если правильно рассчитаю углы наклона, то и все четыре.

Ладно, теперь моя очередь.

Уловив в работе стрелкового аппарата особый щелчок, я выхватил револьвер из кобуры на поясе и, сдвинув все еще гудящую плоскость силового щита на достаточное расстояние, выстрелил по мишени над стрелковым аппаратом. Успел послать две пули, и тут же пришлось закрываться щитом, приняв на него еще три резиновых снаряда.

По стихающему гудению силового щита я понял, что он

практически на пределе. Теперь после щелчка стрелковой машины я не стал стрелять в ответ, а быстро погасил силовое поле и с максимально возможной для меня скоростью начал формировать в воображении руны из Живой силы внутреннего источника, а затем крепить их в печать.

– Да чтоб тебя. – Уже в который раз я не успел создать щит за такое короткое время. Пришлось падать на пол, чтобы не получить очередной синяк, и тут меня ждал еще один сюрприз: ствол в агрегате изменил угол наклона, и следующая резиновая пуля ударила мне в спину.

Ну как в спину... Будем считать, что это место можно назвать спиной.

– Вот же морда зеленая, – прорычал я и тут же крикнул уже для управляющей программы: – Отбой!

Смена тональности в работе аппарата дала понять, что мой пораженческий вопль был услышан. Ну, по крайней мере во второй его части. Ничего, первую часть я донесу до адресата лично, причем добавлю еще много доброжелательных слов. Так и знал, что Бисквит устроит мне какую-то подлянку. Опять придется пользоваться пластырем.

Покряхтывая и прижимая руку к правой ягодице, я сначала выбрался по лестнице из подвала, а затем пришлось переться на второй этаж, где в кабинете находилась аптечка. Одно хорошо: с такими повреждениями в Женеве любой житель мог справиться и без посторонней помощи.

Прицепив на начавшее наливаться синевой пятно пла-

стырь, я напитал его энергией из внутреннего источника. Кто бы сомневался, что нецелевое разбазаривание Живой силы будет тут же замечено моей подружкой.

Под гудящий треск стрекозиных крылышек Фа влетела в кабинет откуда-то со стороны кухни и начала нарезать во-круг меня круги. Недовольный писк в эксклюзивной для нее тональности доносил до меня всю степень возмущения низший фейки.

– Ну да, как я мог потратить Живую силу на какой-то там синяк, а не поделиться ею с великой Фа! – проворчал я, напитывая возникший над ладонью светящийся шарик еще одной порцией силы. Маленькая фейка тут же спикировала вниз и обняла шарик, моментально впитав его в себя.

– Вот куда в тебя столько лезет? – продолжал ворчать я. И действительно, почему она так торопится? Жила бы себе весело и беззаботно, так нет, стремится сначала переродиться в русалку, а затем и вовсе стать высшей феей, чтобы в конце своего пути рассыпаться на миллиарды спор, из которых появятся новые вот такие шепутные малышки.

Сам не знаю почему, вдруг стало грустно. Фа почувствовала мою печаль, подлетела ближе и хлопнула миниатюрной ладошкой по кончику моего носа.

– Вот ты егоза, – с теплотой улыбнулся я, отмахиваясь от нее как от назойливой мухи.

Фейка поняла, что больше ей ничего здесь не обломится, и упорхнула в форточку.

– Все вы, женщины, такие, – вздохнул я, вспоминая теперь уже не маленькую фейку, а одну рыжую бестию.

Жаль, что все так повернулась. В том, что между нами с Заряной больше нет доверия, не виноваты ни я, ни она. Просто так распорядилась судьба. Что-то я совсем в последнее время расклеился. Сходить в бордель, что ли? Идея неплохая, но, увы, не в таком печальном настроении. Тем более уже через три часа у меня прием очередного клиента.

Этот явится поздно, ближе к двенадцати, а это значит, что опять припрут что-то краденое. Впрочем, какое мне дело. Условия, на которых я железно стану хранить тайну клиента, оглашены всем заинтересованным лицам. Так что, если кто-то принесет что-то из запрещенного списка, пусть пеняет на себя.

Быстро ополоснувшись в душе, я принялся одеваться. Несмотря на то, что наши с Заряной отношения сильно охладели, обшивая она меня не перестала и делала это, как всегда, на высшем уровне. Так что после недолгих сборов, подойдя к ростовому зеркалу в старинной резное раме, я увидел перед собой импозантного, возможно с легким перебором в этом вопросе, молодого мужчину. Не метросексуал, конечно, но...

Длинный темно-серый пиджак, почти сюртук, с запахом на правую сторону, двумя рядами пуговиц и воротником-стойкой не то чтобы стройнил, нечего там пока стройнить, но произвольно заставлял держать спину прямо.

На голове творился легкий управляемый хаос, который постоянно поддерживала подружка Заряны вечно всем недовольная Лена. Если честно, в последнее время садиться в кресло под ее ножницы становилось все тревожнее. Но я в душе консерватор и, пока она не попытается воткнуть мне в шею что-то из своего устрашающего арсенала, парикмахера менять не стану.

В итоге получался образ эдакого эксцентричного и, пожалуй, даже с легкой сумасшедшинкой денди, который дополняла бородка и казавшиеся уже действительно перебором круглые зеленые очки. А вот как раз они тут совсем не для понтов. Со зрением у меня все в порядке, как и у любого жителя Женевы. Здесь такие мелкие проблемы со здоровьем решались если не пластырем, то недолгим походом к лекарю.

Очки тоже были подарком Бисквита. Если честно, мне порой становилось неловко, но как можно отказаться от артефакта, через который можно рассмотреть проклятие до третьего уровня сложности. Мелочь, конечно, но вляпаться в подобную «мелочь» не самое приятное дело, а куда мне только не приходится последнее время совать свои очумелые ручонки! Ведь с моим даром, как говорится, не пощупаешь – не узнаешь. Конечно, можно что-то почувствовать и на расстоянии. К примеру, то, что к некоторым вещам лучше вообще не подходить.

Своим чувствам я доверял на все сто процентов, особенно после случая, когда оценивал картину от одного из пе-

рекупщиков. На ней был изображен старый волк. Он стоял на высокой скале на фоне полной луны и, задрав голову вверх, выл. Внешне картина ничем особенным не поражала. Да, стиль неплох, но все же не шедевр, по крайней мере на первый взгляд. А вот когда я шагнул ближе, то ощутил напряженное поле энергии творения.

С одной стороны, прямой угрозы вроде не было, но какое-то беспокойство все же одолевало. Перестраховываться я не стал и сделал свое дело – то есть подтвердил подлинность картины, а также наличие у полотна магических свойств. Она навевала тревожные сны на всех, кто к ней прикоснется.

То, насколько эти сны могут быть тревожными, я оценил, как только вернулся от заказчика домой и уснул. Всю ночь бегал по каким-то лесам и выл на луну. А еще страдал от голода, холода и... блох. И все эти радости волчьего бытия одолевали меня три ночи подряд. Так что впредь решил сомнительные артефакты исследовать на расстоянии, благо мой усиливающийся дар позволял это, пусть и с пониженной детализацией. И вообще, с даром, который мне подарил поцелуй высшей феи, все ой как непросто. Он был очень редким, но не факт, что самым полезным из представленного в Женеве разнообразия. Умение чувствовать и относительно точно расшифровывать суть энергии творения не пользовалось спросом у широких масс. Так что приходилось иметь дело с очень специфическими ребятами, а учитывая то, что

репутации в этой сфере у меня пока с гулькин нос, специфичность идет вкупе с хорошим таким криминальным духом.

До конца понять, что из себя представляет энергия творчества, мне пока не удавалось. По словам Бисквита, это то, что отличает простого мастера от гения, который вкладывает в свое творение не только умение и старание, а частичку своей души, толику того, что даровано гениям свыше: эту самую энергию творчества. В обычном мире она лишь привлекает внимание людей, и такие творения всегда становятся очень популярными, а вот попадая в магическое поле Женевы, энергия творчества может пройти самую непредсказуемую трансформацию. О картине с волком я уже вспоминал. Еще у меня был опыт работы с полотном Иеронима Босха, пробуждающим в человеке совесть. А вот с Моной Лизой я дела не имел. Когда обнаружилась ее магическая особенность, картину срочно вернули в запасники Лувра. Говорят, что она воспаляла в человеке тоску по утерянной любви, причем так сильно, что дело дошло до самоубийства охранника.

В общем, разобраться, что здесь к чему, было сложно, но я по крайней мере что-то чувствовал. А вот артефакторы типа того же Бисквита и ощутить ничего не могли – лишь анализировали выводы оценщиков. Этим мы и отличались от других магов, даже самых крутых. Энергия творчества по сути не являлась той самой магией, которой в той или иной степени владел каждый человек в Женеве. Это было что-то выше,

тоньше и непостижимее. Так что, как бы я ни ворчал на тяжесть своей доли, причастность не только к магии, а еще и к этому самому непостижимому была очень приятна и будоражила кровь.

Закончив любоваться собой в зеркале, я спустился вниз, где и принялся ждать очередного клиента. Обычно я имел дело с серьезными людьми, и с пунктуальностью у них было все в порядке. Так оказалось и в этот раз. Мне даже не удалось толком согреть кресло перед монументального вида старинным столом, который остался от предыдущего владельца дома, как прозвучал звонок домофона.

Прошел почти месяц с тех пор, когда я сменил старинный звонок на самый современный аппарат, но все равно не мог нарадоваться его мелодичности, особенно сравнивая с тем дребезжащим ужасом, который поначалу терзал нервы новому обитателю этого дома, то есть мне. А тогда они, эти самые нервы, и без дополнительных раздражителей пребывали не в самом радужном состоянии. Да уж, было что вспомнить, но не всегда без содрогания.

Тряхнув головой, я отогнал ненужные мысли и пошел открывать дверь. Немаленький экран домофона давал прекрасный обзор на все, что происходило на моем пороге, а также в ближайшей перспективе. Перед дверью, опираясь на резную трость, стоял немолодой мужчина. Понятие довольно расплывчатое, но так в Женеве можно сказать обо всех, кто был старше пятидесяти. Встретить кого-то,

кто выглядит как старик, было довольно трудно. Так что гостю может быть как полтинник, так и слегка за сотню. Одет он в явно дорогой костюм и имел бы вполне благообразный и даже солидный вид, если бы не кислое выражение на его практически лошадиной физиономии. Что-то мне подсказывало, что наше общение не будет простым. Но согласие на эту встречу я дал, так что отступить как-то неправильно, да и опасным мой новый гость не выглядел. Максимум неприятным и склочным.

Чтобы впустить клиента, мне пришлось вскрыть три монструозных замка, причем это были не просто металлические запоры, а довольно неслабые артефакты. Впрочем, то же самое можно сказать и о всей двери. Не так давно, увидев развороченное дверное полотно, которое теневой голем порвал словно фольгу для запекания, Бисквит так разволновался, что уже к утру временную пластиковую дверь сменили на вот этого бронированного монстра. Нечто похожее закрывало вход в убежище моего зеленокожего друга. А то, что орк около трех часов колдовал над замками, внушало определенные надежды на надежность преграды, вставшей между моим убежищем и отнюдь не доброжелательным внешним миром.

Замки наконец-то были открыты, но я явно провозился больше, чем позволяли правила приличия, по крайней мере в понимании стоящего на пороге господина.

– Вижу, вы имеете привычку проявлять чрезмерную осто-

рожность. Странно в столь юном возрасте, – скрипучим, как несмазанные дверные петли, голосом произнес гость.

Я ответил не сразу, пройдясь взглядом по его фигуре, а также покосившись на автомобиль, который доставил гостя к моему дому. Машина была дорогая и явно тяжелая. Могу, конечно, ошибаться, но ко всему еще и бронированная.

– Хотите сказать, что в вашем доме стоит простая деревянная дверь с маленьким замочком?

Я старался не язвить, но получилось плохо.

Гостю это явно не понравилось; впрочем, у меня почему-то была уверенность, что поводов для недовольства у него и без этого хватает. Наше общение не заладилось с самого начала. И дело даже не в том, что этот хуман мне чем-то неприятен, а в том, что он явно испытывает неприязнь ко мне. Интересно, с чего бы это? Было такое впечатление, что я где-то наступил ему на большую мозоль или просто бешу самым фактом своего существования.

Впрочем, высшая фея открыла мне дар оценщика, а не менталиста или тем более прорицателя, так что отбросим домыслы и приступим к работе. Старик не ответил на мою колкость, лишь еще больше сморщил физиономию, которая стала похожа на морду шарпея. Я тоже решил не усугублять и просто отошел от двери, делая приглашающий жест.

Второй затык в нашем общении произошел, как только он перешагнул порог. Так уж получается, что каждый, кто входит в совмещенную с прихожей гостиную, тут же натывает-

ся взглядом на мою любимую картину. На ней был изображен молоденький солдатик, спящий под окном на полу почти разрушенной квартиры. Над ним, на подоконнике, дремал уставший ангел, прикрывая своего подопечного одним крылом.

На первый взгляд картина не казалась шедевром, но я точно знал, что ее автор был гением, вложившим в это полотно очень много энергии творения. Иначе в тот момент, когда теневой голем собирался порвать меня как Тузик грелку, с картины не сошел бы призрак ангела, защитив своего второго подопечного, то есть меня.

То факт, что гость замер на пороге, впившись взглядом в картину, давал мне довольно толстый намек. Похоже, я сейчас буду общаться не с клиентом, а с коллегой. Мою догадку подтвердил скрипучий голос гостя:

– Сколько хотите за эту картину?

– Нисколько, – проворчал я и тут же добавил, заметив непонимание на лице моего собеседника (говорили мы на французском, так что некоторые идиомы могли быть непонятными): – В том смысле, что картина не продается.

– Позвольте посмотреть ее поближе?

– Простите, но нет. Вы же не за этим сюда явились?

В этот раз я даже не пытался скрывать своего раздражения.

– Не за этим. – Несмотря на надменно-раздраженный вид, именно сейчас гость почему-то решил обуздать явно вспых-

нувшую в нем злость и тут же удивил меня еще больше: – Как вы сами понимаете, я пришел сюда за услугами оценщика.

Однако, неужели я ошибся и это действительно нормальный клиент с нормальными запросами?

– Прошу. – Окончательно погасив в себе раздражение, я указал гостю на стул перед столом.

Дождавшись, когда он усядется, и сам присел в резное кресло. Неудобная, конечно, штука и не идет ни в какое сравнение с тем, что стоит у меня наверху в кабинете, но ради имиджа приходилось терпеть. Тут такая резная спинка, что мало чем отличается от трона.

Нет, это у меня не приступ мании величия, а просто попытка набрать солидности с помощью антуража. Возможно, затея наивная и провальная, но надо было что-то делать со своим простецким видом. Одним костюмом и услугами магической барберши тут не обойдешься. А блеснуть знаниями и манерами я смогу еще нескоро. Так что вот такой почти театральный реквизит. К тому же сидел я в этом кресле не так уж часто.

– Что именно вы хотели бы оценить?

Теперь я подпустил в голос чуточку недоумения. У гостя с собой не было ни тубуса, ни тем более защищенного от внешнего магического воздействия бронированного бокса, в которых обычно перемещают особо ценные картины. Иногда мои клиенты приволакивали в эту гостиную целые

ящички. Впрочем, к тем, кто обладал слишком уж габаритным товаром, я ездил на дом.

Гость явно все понял правильно, но не смутился, а улыбнулся, и даже с неким превосходством. Затем он полез во внутренний карман и достал оттуда нечто похожее на портсигар, но, судя по знакомым рунам, это был именно защитный бокс, хотя слишком уж маленький. Откинув крышку, клиент подвинул этот псевдопортсигар ко мне.

– Что скажете об этой вещице?

– Позвольте? – на всякий случай спросил я и после разрешающего кивка подтянул мини-бокс ближе.

За последнее время я где мог наводил справки о своей профессии и сейчас был намного лучше подготовлен, чем в первые разы. Настольный светильник с артефактной лампочкой и специальная лупа на шарнирной подставке позволили мне внимательно рассмотреть содержимое коробки. Как я уже начал догадываться, это была миниатюра.

Даже к боксу я прикоснулся лишь после того, как рассмотрел его через зеленые стекла подаренных Бисквитом очков. На первый взгляд никаких проклятий на нем не было, но это не точно, потому что, как уже упоминал, рассмотреть магическую заразу высокого уровня подарок моего друга не позволял. Саму миниатюру тоже сначала осмотрел через очки, а затем сменил их на специальные гогглы с возможностью разной степени увеличения и кучей спектральных фильтров.

Это точно не новодел, а вот определить автора с ходу явно

не получится, особенно с моим-то куцым опытом.

– Я могу к ней прикоснуться? – еще раз запросил разрешение у хозяина и, увидев повторный кивок, стащил с правой руки тонкую перчатку из заговоренного шелка.

Проведя пальцами по губке со специальным обезжиривающим и обеззараживающим составом, я встряхнул кистью, чтобы просушить кожу, и лишь после этого очень аккуратно прикоснулся к миниатюре. Параллельно постарался активировать сосредоточение накопленной Живой силы внутри себя, чтобы подпитать доставшийся мне от высшей феи дар. Отклик поступил тут же. Это было, без сомнений, творение кого-то из гениев. Миниатюра имела артефактные свойства, причем позитивного характера. Практически стандарт: она всего лишь поднимала настроение тому, кто на нее смотрел. Об этом я тут же поведал заказчику, но никакой реакции на свои слова не дождался.

Зато он задал наводящий вопрос, который серьезно озадачил меня:

– Мне хотелось бы знать, кто автор этой миниатюры.

Ну и что мне ему ответить? Никаких подписей тут нет. Можно, конечно, попробовать перевернуть миниатюру и даже поковыряться в ее основе, но что-то не хотелось. Ситуация вообще пованивала крайне неприятным подвохом.

И все же я пока решил повременить с откровенным и дальним посылом этого странного клиента и еще раз внимательно присмотрелся к маленькому овалу. На основе

из слоновой кости был изображен улыбающийся младенец. Пытаться определить по стилю, кто именно создал эту вещицу, было бессмысленно. Я еще толком не научился отличать Гойю от Гогена. Хотя нет, там разные эпохи, и можно различить тупо по одежде, да и стиль...

Так, стоп, не понял...

Когда размышлял об этих художниках, ощутил какой-то отзвук от миниатюры, которая все еще находилась от моей руки не дальше чем в десятке сантиметров.

Да ладно?! Так тоже можно?

Стараясь не проявить своих эмоций на лице, я еще раз продвинул руку к миниатюре. После первого контакта было достаточно, чтобы она оказалась в пределах энергетического поля моего тела.

«Гойя?» – мысленно и очень неуверенно задал я вопрос самому себе.

Миниатюра тут же откликнулась крохотным, едва различимым энергетическим всплеском. Я ощутил, что именно с этим именем у заполнявшей костяную миниатюру энергии творения связано очень многое. Конечно, художник просто мог быть восхищен творениями своего более именитого кумира и много о нем думал. Впрочем, чего гадать? Это можно проверить прямо сейчас.

На всякий случай отодвинув мини-бокс обратно к странному гостю, я откинулся на спинку кресла и изобразил некую задумчивость. А затем без тени сомнения в голосе заявил:

– Это работа Франциско Гойи.

Блин, он точно Франциско? Вот позорище-то будет! Судя по позеленевшей физиономии гостя, имя я угадал. Впрочем, как и фамилию. Интересно, с чего бы такая острая реакция, вон как корячит бедолагу? Неужели я такой крутой оценщик? Или у чувака просто плохо с нервами? Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, я задал практически стандартный в такой ситуации вопрос:

– Думаю, вы знаете, в каком виде я предоставляю заключения. Вам будет достаточно рецензии на моем сайте?

– Конечно недостаточно! – наконец-то дал волю своей желчи мой гость. – Это вообще недопустимая профанация. Мне необходимо полное, лицензионное свидетельство оценки, которую я могу показать кому-то, кроме своих друзей, или повесить в туалете.

Ну вот, теперь все наконец-то встало на свои места. Грубить в ответ не хотелось, так что просто дождался, пока гость немного успокоится, и сказал совершенно спокойным голосом:

– Ну, значит, мы с вами впустую потратили свое, без сомнения, ценное время. Я – потому что изначально не удостоверился, подходят ли вам мои условия, а вы – потому что не навели обо мне достаточно подробные справки. Или же дело в другом? Давайте... как вас там... господин Суаре, – наконец-то вспомнил я его подпись в заявке, присланной на мой сайт. Имя произнес с французским прононсом. – Ли-

бо выкладываете начистоту, зачем явились, либо попрошу на выход, благо дорогу вы уже знаете.

Пока еще толком не понятно, что именно так взбесило моего гостя, но справлялся он со своими эмоциями минуты три, не меньше.

– Я представитель профсоюза оценщиков Женевы, – достаточно ровным голосом, но все-таки с ноткой презрения заявил господин Суаре. – Мы требуем соблюдения всех регламентов и профессионального подхода к делу. Вы позорите нашу профессию балаганом, который здесь устроили. О каких заключениях на сайте может идти речь?! Мы требуем прохождения всех согласований и взятия на себя необходимых обязательств.

Если честно, я даже не разозлился. Смотреть на потуги этого господина, который и морду-то никому в жизни ни разу не набил, да и сам вряд ли получал, было как-то жалко, что ли. Он явно пытался нагнуть новичка, только начавшего осваиваться в магическом городе и в общей для нас с ним профессии. Только опоздал, болезный, с этим делом как минимум на пару месяцев. Меня уже пытались то ли нагнуть, то ли сломать такие персонажи, что бояться профсоюза каких-то искусствоведов, право слово, стыдно.

– Господин Суаре, как бы так помягче выразиться, плевать я хотел на ваш профсоюз и тем более на ваши требования с крыши самого высокого человеяника. И вообще, я тут просто организовал искусствоведческий сайт, на кото-

ром веду обзоры тех или иных произведений искусства.

– Но вы берете за это деньги!

– Беру, в качестве оплаты рекламы, потому что в ответ не обеспечиваю никакими официальными документами, о которых вы мне тут рассказываете. Мои клиенты в таких бумажках просто не нуждаются.

– Значит, вы скоро разоритесь, – через губу сказал мне гость.

В ответ мне оставалось лишь тепло и даже как-то по-доброму улыбнуться:

– Будь так, вы бы сюда не пришли и не стали требовать от меня бог весть чего. Давайте разойдемся миром. Вы высказали свои претензии, я пояснил свой взгляд на эту проблему, и каждый остался при своем. Как минимум никто ничего не потерял.

– О, насчет этого ты сильно ошибаешься, щенок, – внезапно окрысившись, прошипел незванный гость. – Скоро потеряешь, и очень много.

Ну вот, а то рядился под какого-то интеллигента, сам же вон как хамить умеет. Зря, конечно, у нас с ним в этом деле разные весовые категории, так что я опять улыбнулся:

– Шли бы вы отсюда, не очень уважаемый господин. Вы в моем доме и знаете правила. При желании я могу грохнуть вас прямо сейчас, и мне по большому счету ничего не будет. Да и по-маленькому тоже. Если бы вы удосужились хоть немного узнать о том, кто я и зачем здесь сижу, то, скорее

всего, наша встреча просто не состоялась бы.

Не знаю, что он прочел в моих глазах, но как-то быстро сдулся и направился к двери. Хотя взгляд, который он бросил на картину с моим любимым ангелом, мне совершенно не понравился.

У выхода опять случилась заминка, так как мне самому пришлось открывать запоры, чтобы выпустить этого незадачливого гостя. Скорее всего, в машине, которая была припаркована напротив моего дома, сидел кто-то из охранников, который теоретически мог бы даже набить мне морду. Но я не стал тут же закрывать дверь, отгораживаясь от враждебного внешнего мира, а застыл на пороге с ехидной ухмылкой на губах.

Вот опять этот не совсем здоровый приступ гусарского задора. Сколько раз он втягивал меня в жуткие неприятности! С другой стороны, именно такие приступы позволили выжить и не сломаться в довольно жестких условиях детского дома. Да и здесь, в первый же день пребывания в Женеве из-за этой самой безбашенности я чуть не лишился головы, зато показал себя героем перед высшей феей и получил свой дар. Что поделаешь, в жизни все имеет и лицевую, и обратную сторону.

Не дождавшись появления из машины кого-то покрупнее и агрессивнее разозленного коллеги, я вернулся в дом. Запоры на двери все же закрыл полностью, а затем прямым ходом двинулся к барной стойке, над которой и висела карти-

на с ангелом и солдатиком. Захотелось выпить, хотя особого стресса как бы и не было. Да и пить в одиночку – последнее дело, лучше потратить время с большей пользой. Так что, лишь мазнув взглядом по ряду пузатых бутылок, я поднялся в кабинет и по уже сложившейся традиции полез в интернет.

Немного стыдно, но что тут поделаешь – не хватает у меня терпения впитывать информацию, так сказать, системно, засиживаясь по несколько часов в день за заумными статьями разных высоколобых искусствоведов, которые к тому же были нудными «что твое советское радио», как любил приговаривать наш старый ворчливый завхоз. В общем, я самообразовывался, хватая информацию по верхам где только мог и когда ситуация подгоняла, а иногда даже заводила в тупик.

Через десять минут интернет-серфинга стало понятно, что сегодня я опять проехался на чистом везении. Этот чудик был полностью уверен, что у меня не получится опознать работу Гойи, и имел на это все основания. Даже с первого взгляда на творения без сомнения гениального мастера становилось понятно, что миниатюра с младенцем совершенно не вписывалась в его стилистику. Так что любой более-менее подкованный специалист как раз в этом случае облажался бы. А тут какой-то фигляр практически походя решает задачу, которую сам Суаре, возможно, не осилил. Неужели мой дар оценщика сильнее его и позволяет более глубоко проникать в суть накопленной в предмете энергии творения?

Если так, то я его даже понимаю. Сам был практиче-

ски в таком же положении, когда усиленно трудился, изучал языки и готовился к поездке в Женеву. Три года вкалывал на фирму, доставляющую артефакты и декокты в родной город, но едва не пролетел мимо единственного шанса стать маггом, когда на должность экспедитора чуть не запихнули какого-то племянника главного босса. Ох, как же меня колотило от бешенства и как я обрадовался, когда должность все-таки досталась мне. Да, меня отправили на убой и практически угробили, но, с другой стороны, цель достигнута. Опять имеем две стороны медали – проза жизни.

Воспоминания, среди которых хватало и очень неприятных, все же подняли настроение. Даже то, что сегодня я ничего не заработал, а также, возможно, нажил парочку врагов, не особо огорчало.

Ну и что мне теперь делать? На дворе суббота, клиентов больше не намечается, а до вечера времени хоть отбавляй. Конечно, можно было, как правильному, уважающему себя профессионалу, засесть за те самые искусствоведческие статьи, чтобы опять не полагаться на озарение, прилетевшее на халяву, да что-то так-то лень. Ладно, коль уж все так сложилось, наведаюсь к Заряне. Давно пора забрать свой заказ, но что-то мешало снова наведаться в симпатичный квартал, где обосновались представители бомонда коммуны Ланси. В принципе, за два последних месяца мы с нею не переходили границ профессиональных отношений, но вот три дня назад, когда я в очередной раз решил скоротать вечер

в обществе художников и музыкантов, Заряна в легком подпитии предложила переночевать у нее. Внутри меня что-то скрипнуло и испортило приятный вечер. Я скомкал общение и ушел. Вот теперь и не знаю, как сломать появившийся ледок отчужденности.

Пока добирался до места сначала пешком, а затем проехав пару остановок на довольно колоритно выглядевшим трамвайчике, в очередной раз попробовал осмыслить проблемы наших с рыжей болгаркой отношений. Нет, я не держал на нее зла, хотя она, можно сказать, подставила меня, сыграв жертву, чтобы выманить под удар теневого голема. С другой стороны, именно я втянул ее в этот блудняк и упрекать в чем-то просто не имею морального права. Мы были любовниками, а не мужем и женой или кровными родственниками, так что рисковать своей жизнью ради меня она не обязана. Это понимание позволяло по-прежнему сохранять с нею если не дружеские, то по крайней мере приятельские отношения и тем более вести дела. Но вот сделать шаг навстречу и еще раз сблизиться мешал какой-то внутренний барьер. А жаль, с нею было хорошо, хотя и любовью это точно не назовешь.

Небольшая улица, которую почти полностью оккупировали маленькие магазинчики, барбершопы, мини-ателье и множество прочих мелких заведений с богемным оттенком, за последние несколько дней совершенно не изменилась. Впрочем, и десятилетия вряд ли смогли бы поменять

что-то в этом пусть и немного несерьезно выглядевшем, но очень уютном уголке. Конечно, в Женеве более чем достаточно мест, где можно было провести время с интересом и нахвататься самых разных впечатлений, но меня почему-то тянуло именно сюда. Народ тут жил такой, что доброжелательно встречал практически всех, а уж если ты становился хоть чуточку своим, то казалось, что вокруг одни родственники.

Ваявшая свой очередной флористический шедевр дама средних лет приветливо махнула мне зажатым в руке нарциссом. Затем она с таким просветленным видом, будто я натолкнул ее на какую-то идею, яростно воткнула стебелек куда-то сбоку в пока еще не сформировавшийся букет.

Хоть убей, не помню, как ее зовут, но это не помешало мне искренне улыбнуться и махнуть в ответ.

Спешить было некуда, поэтому я неторопливо прогуливался по брусчатке улицы, которая словно находилась в каком-нибудь швейцарском или французском провинциальном городке. Но если оглянуться назад, то можно увидеть иглы небоскребов Белого города. А уж их-то точно нельзя посчитать чем-то провинциальным; и вообще, привычным для жителей Земли. Да и взгляд направо тоже цеплялся за виднеющийся вдалеке грузный монолит человеиника Святогор. Но в отличие от легких шпилей, разработанных эльфийскими архитекторами высоток Белой Женевы, долго рассматривать человеиник не хотелось. Выглядел он, конечно,

внушительно, но мрачно и даже угрожающе. Ночью его хоть украшали множество огней. Невольно порадуешься, что удалось избежать участи большинства новичков – жить именно в человејнике. Так что я вернул взгляд обратно на дома улицы художников, продолжая раскланиваться с прохожими и владельцами заведений, в этот момент оказавшимися снаружи.

Дом, в котором разместилась Заряна со своей подружкой Леной, ничем особым от других не отличался. Первый этаж они разделили на два отдельных помещения: ателье рыжей болгарки и мини-барбершоп ее подружки. На втором этаже размещались их общие апартаменты.

Глянув через витрину барбершопа, я увидел, что рядившаяся под готку магичка как раз колдует над каким-то бородатым художником. Его профессию выдавали вечные пятна краски на классическом одеянии, название которого я и не удосужился узнать. Оно очень походило на распашонку для здоровенного мужика. Отвлекать брюнетку от парикмахерского волшебства я не стал и сразу направился к следующей двери. За дверную ручку брался даже с какой-то робостью.

Блин, менжуюсь, словно семиклассник на своих первых школьных танцах.

Решительно рванув дверь, я вошел в помещение, которое скорее подошло бы какому-нибудь старому еврею-портному. Совмещенное с магазином ателье хоть и казалось теснова-

тым и немного захламленным, но было очень уютным. К счастью, у Зари сейчас клиентов не было, но она тут же выпорхнула из своей мастерской-подсобки, как только услышала зазвеневший над дверью колокольчик.

– Назар? – замерла на месте рыжая девушка, и на ее лице отразилась сложная эмоциональная гамма.

Там были и радость, и напряжение с примесью грусти. Даже мелькнула искорка злости в зеленых глазах, правда непонятно, на кого именно направленная.

– Привет, – поздоровался я, стараясь, чтобы голос звучал максимально дружелюбно. – Вот появилось время, и решил заскочить за заказом. Он готов?

– Давно готов, – с напрочь фальшивым раздражением проворчала девушка – Давай мерить.

Было видно, что она не склонна к разговору, особенно потому, что мы обязательно свернем на щекотливую тему. Так что тут же перешли к примерке. Раньше она бы сама меня и раздела, но сейчас я поторопился сделать это без посторонней помощи, при этом почему-то жутко смущаясь. Хорошо хоть, брюки не пришлось снимать: меня и эти устраивали.

А вот с верхней частью расстался без особых сожалений. Еще месяц назад моя одежда казалась мне верхом элегантности, но сейчас строгий, практически канцелярский сюртук выглядел довольно нелепо, особенно если учитывать, что, кроме чинного сидения в кресле за классическим столом и разглядывания разных миниатюр в увеличительное стек-

ло, мне приходилось еще и бегать по самым неожиданным местам, а иногда отстреливаться от тех, кто пытается меня догнать.

Да и с доходами раньше все было совсем уж печально, поэтому материал на сюртук шел не очень-то дорогой, и, как я заметил, клиенты этот нюанс считывали моментально. Так что, дабы не краснеть перед богатыми дядями, пришлось раскошелиться на дорогу ткань, заодно сменив стилистику, опять же с помощью талантливой умницы Заряны.

Она рискнула помочь мне одеться – так было быстрее и удобнее. В ростовом зеркале наша парочка смотрелась довольно органично, жаль, что только смотрелась, и это явно печалило нас обоих.

На серебристую рубаху из заговоренного шелка легла довольно толстая жилетка без выреза, почти под горло. На пошив жилетки пошел материал из волокна какого-то магического дерева. Пулю она, конечно же, не остановит, а вот ножом проткнуть будет довольно трудно. Правда, это если простым ножом. Впрочем, от артефактного лезвия не спасет даже бронежилет.

Новая верхняя одежда тоже могла бы называться сюртуком, но вид имела не такой пуританский и угловатый. Темно-серый длиннополый пиджак можно было и застегнуть на пуговицы, но лучше всего носить распахнутым, как раз для того, чтобы было легко дотянуться до револьвера.

А теперь пришла пора достать из нелепо выглядывшего

в этой обстановке пластикового пакета подаренный Бисквитом кожаный пояс и присоединить его к общему ансамблю. Револьвер находился уже в кобуре, которая после застегивания пояса оказалась за спиной. Такой расклад был оговорен с Заряной. Она сделала необходимые утолщения, так что и с первого, и даже со второго взгляда не скажешь, что я вооружен.

Открытое ношение огнестрельного оружия в этом городе считалось дурным тоном, а вот стикер-щитовик находился на видном месте слева. Из зеркала на меня смотрел эдакий персонаж аниме в стиле стимпанк. Не хватало только толстых гогглов и цилиндра на голове.

Нет уж, обойдусь без этих извращений.

Вообще-то, в Женеве люди носили самые разные фасоны, и многие предпочитали наряды, привычные для Большой земли. Ну а лично для меня жить в магическом городе и одеваться как и раньше казалось чем-то неправильным – словно появиться в классическом костюме на каком-нибудь Комиконе. Да и Заряна прибила бы меня, закажи я ей одежду в стиле кежуал.

Внезапно выглядывающая из-за моего плеча девушка улыбнулась и подмигнула:

– Ну давай, ты же хочешь.

Блин, она была права.

Словно подтверждая, что я правильно понял ее намек, девушка отошла на несколько метров назад. Я же, преодолев

мимолетное смущение, резко выхватил из чехла на поясе щитовик и синхронным движением достал из-за спины револьвер. С уже давно ставшим привычным гудением раскрылось силовое поле, в котором замерцал светлячок. В отражении я увидел, как Заря, словно маленькая девочка, подпрыгнула и захлопала в ладоши. Причем в ее поведении я не заметил ни тени издевки. Ну, или просто не хотел замечать.

Ладно, хорошего понемножку. Гудение стихло, и синеватое силовое поле погасло. Стикер и револьвер вернулись на свои места. После этого я развернулся к девушке и проделал несколько более прозаичных упражнений: немного поприседал и пару раз понаклонялся в разные стороны, затем развел руки в стороны и спросил:

– Ну и как я выгляжу?

– Лихо, – емко и серьезно резюмировала моя подруга. – Еще лучше тут смотрелась бы палочка.

– Угу, – ворчливо отреагировал я.

Да уж, может, и смотрелась бы, но классического вида волшебную палочку, практически такую же, как у мальчика, который выжил, я мог нацепить лишь действительно для понтов. Практика показала правоту высказанного Бискувитом замечания, что волшебная палочка мне сейчас нужна даже меньше, чем шляпа с перьями.

Уже несколько месяцев я пытаюсь освоить щитовик, но хотя бы владение им на относительно твердую троечку еще даже на горизонте не показалось. А волшебная палоч-

ка – это нечто посложнее в освоении, чем, скажем, шпага. Так что на моем поясе она появится очень нескоро. Если вообще появится. Впрочем, как и у подавляющего большинства жителей Женевы. Восемьдесят, а то и девяносто процентов тех, кого на Большой земле считают крутыми магами, тратят переработанную из Сырой силы и накопленную в своих источниках Живую силу в основном чтобы подзаработать на сдаче в приемных пунктах.

Те счастливицы, у кого открылся дар, находят ей более полезное применение, но таких, как я, Заряна и обхаживающая бородатого мужика в соседнем помещении Лена, в городе не так уж много.

Да, освоить волшебную палочку можем мы все, потратив эдак пару тысяч часов на тренировки. Но кому это надо, если можно просто получать деньги практически на халяву и жить в переполненном различными соблазнами и излишествами магическом городе в свое удовольствие?

– Ну а ты что скажешь? – прервала мои раздумья Заряна.

– Шикарно! Ты, как всегда, великолепна.

– Ой, да ладно, – искренне засмушалась и даже покраснела девушка. Затем она подошла ближе и начала поправлять какие-то мелкие детали в моем костюме. Внезапно Заря замерла, а затем уткнулась носом мне в грудь.

– Прости меня, – уловил я ее едва слышный шепот.

После нашего откровенного разговора пару месяцев назад, во время которого она вела себя агрессивно и вызываю-

ще в своей попытке защититься, мы так толком и не поговорили. Затем упорно избегали этой темы. В первый раз за эти месяцы она высказала хоть что-то похожее на признание.

И вот почему-то только сейчас я живо, в очень ярких красках представил себе то, как это было. Рядом с Заряной стоит цыган и убеждает ее сыграть роль, чтобы выманить уже бывшего любовника из норки, в которой тот надежно заперся. Рыжая наверняка понимала, что вот эти вот уговоры от старого знакомого после первого же отказа перейдут в разряд угроз. А ведь Кукольник захватил тень его дочери. И далекий от гуманизма полукриминальный торговец пойдет на все, чтобы спасти своего ребенка.

Был ли у Заряны в тот момент некий расчет и себя не подвергать лишней опасности, и не рвать связи с цыганами? Возможно. Но сейчас я отчетливо осознал, что в конечном итоге выбора у нее не было и быть не могло. А учитывая то, что изначально в этот блудняк ее втянул именно я, нужно смотреть на все произошедшее совсем с иной стороны.

– Ты ни в чем не виновата, и у меня нет к тебе ни ненависти, ни претензий.

Если быть полностью откровенным, то мне стоило добавить извечное «но», но делать я этого не собирался, к тому же очень вовремя зазвонил телефон, сообщая всем о том, что я таки стал настоящей рок-звездой. Мелодия из мультика «Шрек» разбила неловкий момент, и Заряна отошла, чтобы дать мне поговорить с назойливым абонентом.

– Привет, чудо ты зеленое, – поздоровался я с абонентом, но увы, мой юмор понят не был.

– Грубо, – рыкнул в ответ, почему-то не воспользовавшись своим голосовым модулятором, орк.

– Ох, простите, уважаемый таарх хата. Ничтожный храарман внимательно слушает вас.

– Не смешно, – с той же интонацией отреагировал Бисквит.

– Блин, что случилось? У тебя кто-то отключил функцию чувство юмора? – просил я, теряя шутовское настроение. – Друг, у тебя все в порядке?

– Не очень, – все в той же манере высказался орк.

Да что же с ним такое?!

– Мне что, тащить из тебя слова клещами? Так мы с тобой ничего не решим.

– А что тут решишь? – вздохнул мой зеленокожий друг. – Женили меня.

Ошизеть, кричали гости! Это как так? Это кто, куда и зачем?

Чтобы хоть как-то привести в порядок мысли, мне даже пришлось потрянуть головой. Потом с легким оттенком сомнения в голосе я все же уточнил:

– В смысле женили? На девушке?

Вот теперь Бисквит немного разозлился, растеряв свое уныние, что тоже довольно неплохо:

– А на ком еще? Слушай, хватит твоих подколов! Ты же

знаешь, я никогда не состоял в сердечном братстве.

– Извини, сам не понимаю, зачем ляпнул. И, по справедливости говоря, подкалываю тебя не я, а Иваныч.

Да уж, наш злобный гоблин-начальник еще тот гомофоб. Впрочем, сейчас нужно думать не об этом. Как я понял, моего друга закомутали, причем совершенно неожиданно, и, боюсь, не только для меня.

– Это как вообще возможно? Ты же еще позавчера даже дамы сердца не имел.

– Долго рассказывать, и не по телефону, – опять угрюмо пророкотал орк. Затем, чуть приободрившись, он с какой-то затаенной надеждой добавил: – Помнишь, ты говорил, что можно как-то организовать встречу с человеческой женщиной.

Этот разговор я помнил хорошо. Тогда подпивший орк поделился со мной мечтой о сексе с земной девушкой. Я с ходу предложил ему пойти в бордель, что было встречено довольно угрюмо и даже слегка агрессивно. Странные они, конечно, эти самые орки, к однополым отношениям относятся практически как древние греки, а вот дам, занимающихся продажной любовью, почему-то считают чем-то грязным и недопустимым. Впрочем, не мне их судить, потому что просто не понять.

Если он не хочет идти в бордель, тогда... Я на секунду замер, с прищуром посмотрев на Заряну. Не-не-не, это совсем не то, что можно было подумать, глядя на мою хитрую фи-

зиномию. Сексуальные предпочтения моей бывшей любовницы я знал прекрасно, но квартал художников – это такое место, где проживает народ с очень нестандартными вкусами и фантазией. Прикрыв микрофон рукой, я обратился к рыжей:

– Скажи, а среди твоих подруг найдется кто-то, кого может заинтересовать веселенький вечер с орком?

К счастью, Заря поняла меня сразу и правильно.

– Навалом, если он, конечно, не сааград.

Так, сааградами, насколько я помню, называют сильно модифицированных бойцов орочьего племени. Там с таким понятием, как бодимодификация, все ой как непросто. Зеленомордые шаманы способны влиять не только на стихийных духов и души погибших животных, но и непосредственно на ауру своих соплеменников. Причем в некоторых случаях эти манипуляции они начинали еще в утробе матери. В итоге вариаций в геноме представителей племени орков было достаточно много. Стандартом являлся воин, который после прохождения ритуала взросления становился так называемым паградом. Будущих шаманов развивали немножко в другую сторону, так что они не были такими здоровыми. А вот некоторых ребят, чьи родители являлись личными слугами оркских баронов, так апгрейдили, что в итоге появлялись настоящие Халки. Вот их и называли сааградами. Я об этом узнал из интернета. Лично сам не видел, но фотографии реально впечатляли.

Осмыслив вопрос Заряны, я решил уточнить:

– Что, могут нанести повреждения своим... – Замявшись, я так и не смог подобрать более или менее приемлемый термин.

Заряна хихикнула и мотнула головой.

– Нет, все совсем наоборот. Там очень печально с этим делом.

– Да ладно? – выдохнул я, но тут же решил замять тему, потому что сейчас у меня на другом конце радиоволны сидит очень страдающий без любви и ласки вполне себе обычный орк.

– Его растили как будущего паграда, а потом сделали шаманом, – отодвинув зажатый в ладони телефон подальше, я снизил шепот до минимума.

– Тогда все в порядке, – улыбнулась Заряна. – Приводи, ему понравится. Уверена, у тебя в друзьях откровенных придурков и отморозков быть не может.

Я мысленно хмыкнул, вспомнив того же Косаря. С другой стороны, этого бандюка я своим другом точно не считал и никогда бы не познакомил не то что с Заряной, но и с психованной Леной.

Вернув телефон к уху и убрав от микрофона ладонь, я обратился к Бисквиту:

– Слушай, обычно тут все веселье начинается часов в восемь вечера, так что подъезжай к семи. Поужинаем вместе, а то на местных гулянках особо не кормят. Или давай я сей-

час заскочу к тебе, если нужно выговориться.

– Не, – ответил орк, и мне показалось, что его настроение немного улучшилось. – Встретимся вечером.

– Оденься как-то попримечней, а не как обычно, – уточнил я, вспомнив его любимый рэперский и абсолютно безвкусный прикид. – Адрес я скину чуть позже.

– Хорошо, – пророкотал в ответ Бисквит, и я был уверен, что сейчас он потемнел до темно-зеленого, почти бурого цвета.

Орк тут же отключился, вызвав у меня очередную улыбку. Очень колоритная личность. Как он только умудрялся сочетать в себе черты крутого артефактора, лихого киберспортсмена, известного практически на весь мир, правда только своим именем, а не внеземным происхождением, при этом всё́м быть застенчивым словно институтка и таким же пугливым. Честно скажу, когда я познакомился с этим ботаном в образе здорового бугая с острыми клыками, то еще долго не мог отойти от пришибившего меня когнитивного диссонанса.

Посмотрев на Заряну, которую наш разговор с Бисквитом крайне заинтересовал и явно развеселил, я просто и без за-тей сказал:

– Слушай, давай пообедаем. Если хочешь, бери с собой Ленку, и пойдем в кафешку к Николашке. Чего-то мне захотелось его блинчиков.

– Давай, – жизнерадостно улыбнулась Заря, тем самым

ставя точку во всех наших недоразумениях. По крайней мере я надеялся, что мы все-таки сумели понять друг друга. Любовь, если таковая и была, погибла той жуткой ночью, но никто не мешает нам маленькими, осторожными шажками все же прийти к простой и светлой дружбе.

Глава 2

Упомянув Николашку, я не пытался обидеть довольно неплохого повара и чудесного по характеру человека, а просто констатировал факт. На вывеске его кафе так и было написано: «У Николашки». Невысокий, белобрысый крепыш встретил нашу троицу как родных, и первую партию блинов мы сожрали вчетвером.

Больше всего творения Николая привлекали меня именно своей неординарностью. Какие только начинки он не умудрялся пихать внутрь. Причем за все мои посещения этого заведения, а бывал я здесь довольно часто, еще ни разу не встречал два совершенно одинаковых вкуса.

Блины мы запивали травяным чаем с буквально несколькими капельками специального декокта. Это было нечто среднее между алкоголем и легким дурманом. В голову совершенно не ударял, зато позволил нам троим полностью расслабиться. Даже Ленка перестала осуждающе коситься на меня. Между делом рассказал девушкам о Бисквите. Раньше не делал этого потому, что он являлся штатным аналитиком жандармерии и лишний раз упоминать об этой организации даже косвенно в их компании не стоило. Мой рассказ воодушевил дам, и Заряна уверила, что без женского внимания Бисквит точно не останется. А у Ленки даже игриво загорелись глаза. Нужно будет предупредить орка, чтобы

он был с ней поосторожнее.

В общем, обед прошел прекрасно, и девушки едва не забыли о том, что им еще сегодня работать. Когда они упорхнули по своим делам, я тоже решил не терять время даром и прямо здесь, в кафе, уткнулся в свой мобильник. Не люблю читать с маленького экрана, но не переться же домой, чтобы усесться за ноутбуком.

При всей моей лени я все же иногда заставлял себя почи- тывать статьи о ком-то из корифеев изобразительного искус- ства. Да, мне приходилось работать и со скульптурой, и со старинными фолиантами, но картины приносили все же на- много чаще. Сегодня решил познакомиться с биографией Яна Вермеера, а все потому, что этот голландский художник являлся номером семь в негласном рейтинге тех, чьи тво- рения приобретали магические свойства. Причем это был черный список, в том смысле, что людям находиться рядом с картинами художника было попросту небезопасно. Прав- да, это касалось только их пребывания в магической поле Женева. На Большой земле ничем, кроме получения эстети- ческого удовольствия, созерцание картин Вермеера эстетам не грозило.

Странно, конечно. Глядя на практически бытовые сцены на полотнах голландца, и не скажешь, что они могут таить в себе нечто угрожающее. Скорее всего, это связано имен- но с характером художника. Вот я и пытался найти опреде- ленные якоря в его биографии, чтобы попытаться вписать

в некую систему координат. Получалось откровенно плохо, но лиха беда начало.

Неожиданно для себя я увлекся и переключился на изучение жизни и творчества Мостарда, ван Хемскерка и Рюйш, к которым по ссылкам перешел от Вермеера. Особенно впечатлила последняя. Рашель Рюйш не только стала первой женщиной, принятой в гильдию художников Гааги, но и при этом родила и вырастила десятерых детей.

Я совсем не противник, а, можно даже сказать, ценитель феминизма, особенно потому, что это движение сильно упрощает жизнь именно нам, мужикам, но возникает вопрос: откуда столько разговоров о темных века дремучего патриархата?

Практически провалившись в философские размышления, я, к счастью, был выдернут оттуда звонком Бисквита. Даже удивился, что время пролетело так незаметно. Через пять минут зал блинной, который до этого казался довольно просторным, вдруг стал тесноватым, но не менее уютным. Только после появления орка в помещении я вдруг осознал, что это заведение, в отличие от большинства ресторанчиков заселенной итальянцами коммуны Ле-гран-саконне, не имеет дополнительных стульев, предназначенных для орков.

Впрочем, зря я плохо подумал о местных рестораторах: тут же появился сам Николашка с низеньким, крепеньким табуретом, на который предложил присесть новому гостю. И все же было видно, что орки в этих местах если и появ-

ляются, то не так уж часто. Повар явно оценил размеры моего друга и восхищенно хлопнул в ладоши, предвосхищая серьезную работу. Так как я уже пообедал блинами, захотелось чего-нибудь другого. Да, наш магический мастер кулинарных дел постарался бы, чтобы я не изнывал от однообразия, но все же.

Проблемой это не стало, потому что для своих Николашка готов был на любые исключения из правил. А я с недавних пор считался своим. Так что еще через десять минут Бисквит с восхищенным мычанием один за другим поглощал блины с огромного блюда, а я чинно и, можно даже сказать, манерно поедал очень неплохой сочный бифштекс, запивая его пивом. За ним, правда, пришлось послать к соседу-пивовару.

Ужин явно удался, на что я и рассчитывал. Так что Бисквит, вошедший в заведение с очень кислым выражением на морде, хоть немного расслабился, и теперь его можно было немного подколоть. Если честно, терпел я с самого его появления:

– Скажи мне, мой зеленокожий друг, ты куда такой красивый собрался?

– Ну ты же сказал одеться поприличнее, – тут же всполошился орк. – Что-то не так?

Он не забыл надеть свой голосовой модулятор, и речь звучала вполне привычно для человеческого уха.

– Не то чтобы не так, но ты бы еще фрак с бабочкой нацепил, – хмыкнул я, рассматривая его деловой костюм с гал-

стуком.

Стоит отметить, что пошит костюм очень неплохо и сидел на фигуре орка при всех его расовых особенностях вполне ладно. Но все же эта картина отдавала смесью сюрреализма и канцелярщины.

Ничего, есть у меня предположение, что девочки это дело исправят, причем очень быстро, и надеюсь, что не слишком радикально. Так оно впоследствии и оказалось.

Солнце уже зашло за горизонт, и на город начали напозать сумерки. Бисквит не захотел делиться своими горестями прямо сейчас, а я не настаивал. Мы, прогулявшись по улице, перебрались в парк, к месту, где обычно отдыхал местный бомонд. По моему совету орк серьезно затарился всякой экзотической выпивкой – начиная с настоящей на декоктах водки и заканчивая целым букетом ликеров.

Заряны с Леной еще не было, но знакомая мне компашка уже собралась. Я думал, придется ждать посредничества рыжей, но то ли она уже обзвонила подружек с экзотическими вкусами, то ли этого изначально не требовалось. Парочка смутно знакомых девушек, имен которых я, к сожалению, не запомнил, тут же начала виться вокруг орка. Они стянули с него пиджак, сняли галстук и практически до пояса расстегнули рубашку. Вот теперь он уже не был похож на зеленокожего клерка, а выглядел как герой какого-нибудь фэнтезийно-любовного романа. Особенно дам умилило упоминание имени моего друга. Оно и понятно: обычно орки

предпочитали совсем другой формат. После общего решения пришлых о глобальной мимикрии расы из иного измерения не только приняли для себя привычные людям названия орков, гоблинов и эльфов, но и переименовались, так сказать, на низовом уровне. Гоблины сплагатили библейские имена, а оркам почему-то понравились древнеримские. Так что, когда мой друг представился как Бисквит, почти вся компания, включая парочку не особо мужественно выглядящих художников, чуть ли не завизжала от восторга. Популярность явно нестандартного орка тут же взлетела еще выше. Мне даже стало немного обидно, потому что весь фокус внимания перешел на моего друга, а меня словно никто и не замечал.

К счастью, это дело быстро исправила подошедшая с подругой Заряна. Ленка, зараза такая, тут же упорхнула отгонять от орка тех, кто казался ей лишним, то есть всех, кроме себя. Мы же с рыжей присели на одну из циновок, которые были разбросаны вокруг кострища, и, практически не переговариваясь, принялись смотреть на огонь. Похоже, у нас с ней намечался новый этап отношений: не любовь, не дружба, а эдакий комфорт нахождения рядом друг с другом. Не факт, что она испытывает то же, что и я, но тут уже ничего не поделаешь. По крайней мере мне сейчас хорошо и не хочется заморачиваться ничем сложным.

Увы, такая гармония пролилась недолго, потому что, выпив немного какой-то зеленоватой водки, я расслабился

еще больше. Захотелось веселья, особенно глядя на проказы озорных девчушек-танцовщиц. Наплевав на все потуги Ленки, они устроили массовые танцы, в которые вовлекли и грузно топающего орка. Это на фоне своих собратьев Бисквит смотрелся таким воздушным и хлипким, а здесь он выглядел словно кабан-бородавочник в компании мангустов. Видел я такую картинку в интернете.

В общем, всем было весело и хорошо. Я поддался эмоциональному порыву и начал отвечать на знаки внимания, которые мне оказывала Оля Певичка. Ее так называли потому, что она была похожа на певчую птичку: маленькая и очень талантливая, особенно учитывая умение как-то влиять на фуки. Низшие феи от звуков ее голоса почему-то принимались вытворять в воздухе практически хореографические этюды.

Я, конечно, понимаю, что наше с Олей тесное общение могло вызвать у Заряны негативные эмоции. И пусть даже она сама поймет их неуместность, но лучше пройти этот этап как можно раньше. Конечно, был вариант искать себе сексуальных партнерш где-то за пределами квартала художников. Но зачем? Девушки в этой компании мне очень нравились и имели необычайно легкие нравы в плане заведения недолгих интрижек. Не скажу, что Женева стала рассадником порока и греха, но возможность вылечить даже самые серьезные венерические заболевания пятиминутным походом к целителю сильно упрощала местные нравы. Даже удивляюсь, как тут бордели не обанкротились.

Увы, расставить по местам свои приоритеты и обозначить всяческие векторы в моих интимных перспективах так не удалось, потому что из кармана моего нового сюртука раздалось: «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла!»

Мобильный телефон – это, конечно, одно из самых полезных изобретений человечества, но у меня такое впечатление, что именно мой аппарат именно меня за что-то невзлюбил. Этот кусок пластмассы постоянно норовит вмешаться в мою жизнь в самый неподходящий момент. Конечно же, виноват не телефон, а тот, кто решил потревожить и его, и меня. Тут же появилось огромное желание плюнуть на все и не отвечать. Но просто сбросить было бы неуважением на грани оскорбления. И дело не в том, что обидится Косарь. Вряд ли он позвонил, чтобы просто поздороваться или обменяться любезностями. Наверняка вопрос связан с его шефом Пахомом, а с этим дядькой лучше не ссориться.

Тянуть дальше было нельзя, потому что вся компания усталилась на меня, как солдат на вошь. Да, не самая уместная песня для этой аудитории, но я выбирал ее не ради собственного удовольствия, а дабы соответствовало абоненту. Чтобы и дальше на терзать слух утонченной публики звуками шансона, причем отнюдь не французского, я быстро достал телефон и ответил на вызов:

– Слушаю вас внимательно, Александр.

– Ты чего такой расфуфыренный? Неужто на эльфийский прием попал? – не преминул подколоть меня Косарь – Смот-

ри устрицей не подавись.

– Ладно, хохмач, давай к делу. Ты даже не представляешь, насколько не вовремя позвонил.

– Ну, тогда порадуешься еще больше, когда узнаешь, что я прямо сейчас топчусь у тебя на пороге и хочу пригласить в очень увлекательное путешествие.

– Прямо сейчас? – с робкой надеждой уточнил я.

– Прямо полчаса назад, – с легким раздражением парировал Косарь. – Псих, это реально срочно. Пахом долго ждать не будет, я и так слил кучу времени, пока ломился в твою хату.

– А позвонить заранее не судьба? – угрюмо ответил я.

Причем мое недовольство касалось не упрямо навязываемого Косарем прозвища Псих, а ситуации в целом. К прозвищу я привык и уже никак на него не реагировал. Особенно потому, что в среде коллег Косаря такая характеристика притормаживает тех, кто хочет попробовать меня на зуб.

Понимая, что на этом мой вечер в приятной компании закончен, я поднялся с подстилки, изобразил для Оли короткую извиняющуюся пантомиму и отошел в сторону.

– Вот, звякнул сейчас, – совершенно не смутился упреком Косарь. – Где ты там застрял? Скинь адрес, я подскочу.

Мне только не хватало еще и появления здесь Косаря, который впишется в местный парадиз как носорог в дворцовый розарий.

– Жди, сейчас вызову такси и приеду.

– Теряем время, – начал злиться бандос, и мне опять пришлось вступить с ним в короткую перепалку. Он постоянно пытался прощупать меня на предмет слабину, но не потому, что жаждал подмять под себя, просто натура у него такая.

– Косарь, ты опять спутал меня со своими шестерками. Коль уж решил обойтись без предупреждающего звонка, то стой и жди.

С этими словами я сбросил вызов и тут же открыл приложение местного «Убера». Свободная машина нашлась буквально в паре кварталов, так что уже через пять минут она подъезжала к моему дому.

Когда я вышел из такси, то сразу увидел стоящую напротив моего дома машину Косаря. Он сидел на капоте и угрюмо смотрел в мою сторону.

– Заскакивай и поехали. Времени в обрез.

– Сейчас возьму инструменты, и поедem, – ответил я, продолжая идти в сторону своего крыльца.

– Какие инструменты? – недобро прищурился Косарь. – Брось свои понты. Поехали!

В чем-то он был прав. При первой нашей встрече я так пытался натянуть на себя не очень-то свойственную моей натуре маску, что перестарался и наверняка выглядел нелепо со своей маскарадной одеждой и кучей ненужных аксессуаров, но это было тогда, а сейчас дело обстоит совсем по-другому.

– Косарь, от того, что ты постоянно дергаешь меня, мы

только еще больше задержимся.

Даже не собираясь останавливаться, я подошел к двери и принялся ее отпирать. Думаю, количество запоров и время, которое я на них потратил, разозлило бандоса окончательно. Честно, это я не специально, просто так получилось. Чтобы не злить его еще больше, свой саквояж я собирал очень быстро. Затем, не скрывая торопливости, выскочил из дома и уселся на пассажирское сиденье. Раздраженный Косарь сорвал кабриолет с места с визгом шин, оставив позади нас облако дыма. Глядя на манеру его вождения, я осознал, что мы действительно торопимся.

– Саня, может, расскажешь, в чем дело? – спросил я, стараясь как-то сгладить ситуацию.

Слава богу, каким бы ни был вспыльчивым мой собеседник, себя он контролировал вполне неплохо. Оно и неудивительно – иначе не стал бы практически правой рукой такой неординарной личности, как Пахом.

Снизив скорость до вполне приемлемой, Косарь начал пояснять:

– Шеф тут небольшой сходняк организовал, чтобы перетереть непонятки с новенькими. Вроде все порешали и надумали немного отдохнуть, выпить, картишки раскинуть. Ну и влетел один из новых паханов голландцев, тех, что засели в Одине. По ходу, деловой просек фишку Пахома с картинками и решил закрыть долг какой-то жутко старой мазней. Шеф звякнул мне и сказал, что, пока они там друг другу

по ушам ездят, нужно проверить, что за товар и стоит ли он тридцати штук франтиков.

Да уж, «порадовал» мой не совсем друг Косарь! Одно дело подтвердить подлинность картины, а совсем другое – дать экспертную оценку ее стоимости. Если честно, я откровенно плавал в этом вопросе, а если ошибусь, то поймею такие неприятности, что испорченный вечер покажется мне сущей мелочью. И хуже всего то, что отказаться или даже намекнуть на свою некомпетентность не выйдет. Опять придется выезжать на наглости и надежде на удачу, а также предварительно подобранном списке сайтов самых крупных аукционных домов мира. В основном на них-то я и надеялся, когда с невозмутимым видом кивал, выслушивая рассказ Косаря.

По этому маршруту через Серый город я еще не ездил. Наш путь лежал в самый молодой человекник Женева. Еще пять лет назад потенциальные маги из скандинавских стран селились в человекнике Артур. Но, судя по всему, переселенцы в магический город приволокли с собой и исторически сложившиеся дразги. Так что со временем скандинавы смогли договориться с молодой королевой мышоуров и начали отстраивать свой человекник. Именно поэтому издали Одином совсем не напоминал башню, скорее, какую-то шайбу. При этом он сохранял всю ту давящую на психику монструозность, как и у его более высоких собратьев.

Когда, пролетев по широкому, четырехполосному шоссе, мы оказались у подножия мегаздания, Косарь привыч-

но заглушил дизельный двигатель и перешел на электротягу. Несмотря на великолепную вентиляцию в мегазданиях, дышать выхлопами никому не хотелось, и сохранение внутренней атмосферы являлось одним из самых жестких внутренних законов.

По центральному Серпантину Одина мы сделали всего один виток, и это меня немного удивило. Вроде Косарь упоминал, что голландская группировка довольно молодая, при этом они как-то умудрились заполучить себе жизненное пространство на нижних уровнях человеиника. А это, скажу я вам, не так уж просто даже в молодом Одине.

Пока добирались до места, я с любопытством осматривался вокруг. Все-таки нахожусь здесь в первый раз. Несмотря на до предела урбанистическую и лаконичную суть человеиников, каждый старался получить свой неповторимый внутренний вид. Внешне мегаздания казались одинаковыми, отражая окружающий мир своей практически полностью зеркальной поверхностью, а вот внутри дело обстояло совсем иначе. К примеру, Святогор оформляли явные поклонники неоклассицизма. В Артуре, несмотря на всю консервативность так называемых англосаксов, превалировали веяния модернизма, постмодернизма и элементы хайтека. А вот скандинавы как раз ринулись в пучину, так сказать, старины глубокой, точнее в ее имитацию. Не скажу, что вся эта стилизация под дома викингов и густо переплетающиеся рунические фрески на стенах выглядели убедительно, но опреде-

ленную угрюмо-торжественную атмосферу они все-таки создавали.

На секунду я прекратил вертеть головой и усмехнулся собственным мыслям. Если бы высказал вслух нечто подобное в родном детдоме, был бы бит, причем ногами. Все-таки прав был Карл Маркс: бытие действительно определяет сознание, и погружение в мир искусства потихоньку начало менять мне мозги. Не знаю, к чему я в итоге приду, но прежним вряд ли останусь. Хотя сколько волка ни корми...

У всех этих досужих размышлений был один положительный эффект: я совершенно перестал нервничать по поводу предстоящего и, что ни говори, скользкого из-за моей слабой подготовки дела.

С Серпантина мы съехали на широченную тоннельную улицу. Потолок над головой все еще оставался на запредельной высоте, но периферийное зрение уже захватывало его, чего не было на Серпантине. Теперь большая часть зданий лишь имитировала обособленность. В основном фасады лепились прямо к основным стенам. Еще через пять минут мы сделали последний поворот и оказались в обжитом тоннеле с низким потолком. Ну как низким? До межэтажного перекрытия было не менее десяти метров.

По реалиям любого человеиника – это уже считалось обособленным анклавом, так что вход в тоннель был арочным и наверняка имел возможность перекрытия сдвигающимися створками.

Внутри, за аркой дежурили люди, открыто носившие оружие, причем автоматическое. Нас остановили в метрах в двадцати от входа. Какой-то бородастый мужик с автоматом вышел прямо на середину дороги. Кто бы сомневался, что Косарь не преминет выкинуть что-то эдакое. Он чуть разогнал авто и резко затормозил, практически коснувшись бампером колен боевика.

Нужно отдать должное, тот даже не дернулся, лишь криво ухмыльнулся. Затем что-то рывкнул в нашу сторону. В ответ Косарь заявил на общем:

– Эй, Борода, тебя кто в Женеву пустил без знания языка?

– Кто надо. Выходить, – на жутко корявом низшем эльфийском проворчал встречающий нас представитель голландцев.

Кстати, почему голландцы поселились в Одине? Они же вроде корнями ближе к германцам?

Спрашивать об этом у Косаря сейчас было уже поздно, так что я просто выбрался наружу вслед за моим временным компаньоном.

– Нас прислали оценить карт...

– Знать, зачем прислали, – все так же коряво прорычал этот неовикинг. Вблизи он выглядел весьма колоритно.

Поверх тонкого вязаного свитера боевик нацепил какой-то гибрид жилетки и разгрузки. Кроме ухоженной бороды, впечатляла сложная вязь татуировок, которые виднелись из-под закатанных рукавов свитера и на шее. Даже лысая

голова бойца несла несколько сложных, малопонятных мне узоров. Интересное зрелище, но я тут же отогнал ненужное любопытство, чтобы не засорять мозг. У меня в голове еще толком не улеглись сведения о голландских художниках.

Кстати, возможно, удачно получилось, можно сказать, подготовился к делу. Ага, поможет мне это, когда придется определять цену картины. Ох, чувствую, весело тут будет.

Кто бы сомневался, что гид из угрюмого викинга получится еще тот. Толком ничего не объяснив, он просто развернулся и пошел впереди, указывая нам путь. Машина так и осталась стоять прямо посреди проезжей части. Понятно, что эта дорога далеко не уходит и, скорее всего, заканчивается тупиком, но Косарь явно нервничал: очень уж он любил свою игрушку. Или его напряженное состояние связано с чем-то с другим?

Переживая из-за того, что мне не удастся правильно оценить картину, я как-то упустил остальные детали этого, без сомнения, странного дела. В голову полезли дополнительные мысли, к примеру, почему нас так и не разоружили? Честно говоря, о своем револьвере я вспомнил только сейчас. Если бы не решил похвастаться им перед Заряной, то, скорее всего, просто забыл бы прихватить оружие в спешке сборов.

Словно подслушав мои мысли, наш проводник, пройдя два коридора, остановился перед массивной дверью, за которой виднелось что-то наподобие поста охраны, и резко раз-

вернулся к нам.

– Сдать оружие, – уставившись ледяным взглядом на Косаря, заявил викинг и для убедительности поправил висящий на плече автомат.

Наводить ствол на нас он не стал, но было понятно, что это секундное дело.

– А мочу тебя в ладошки не сдать? – злобно окрысился Косарь. – Вы тут совсем рамсы попутали?!

Попытка одновременно ботать по фене и говорить на низшем эльфийском повеселила бы меня, не будь ситуация настолько напряженной. Не думаю, что домогавшийся нашего оружия боевик понял, что было сказано, но, судя по всему, уловил смысл по интонации.

– Дальше не пойдешь, – набычился викинг.

– Ну и хрен с тобой, золотая рыбка, – теперь уже полностью на русском заявил Косарь и повернулся ко мне: – Пошли, Псих, нам тут не рады.

– Стоять! – рывкнул викинг и все-таки направил на нас автомат.

Дежурившая у массивной двери парочка охранников присоединилась к нему с такими же недобрыми лицами. Я, честно говоря, растерялся, не зная, что делать – показывать жестами свое миролюбие или готовиться к выхватыванию щитовика и револьвера. На тренировках и когда понтовался перед Заряной, все выглядело лихо и весело, а вот сейчас было как-то боязно. Нет, это еще не сковывающий волю

страх, а так, легкое опасение, и, надеюсь, в случае обострения оно перейдет в мою обычную отмороженную решительность, а не в панику. В последнее время жизнь была такой сытой и приятной, что уже не уверен, что выдуманное Косарем прозвище Псих не потеряло свою актуальность.

А вот самого Косаря подобные сомнения совершенно не тяготили. Я даже моргнуть не успел, как перед Саней возникло тихо гудящее силовое поле. Что интересно, викинг и его подручные ничем подобным похвастаться не могли. Вопрос: почему? То, что голландская группировка была молодой и действовала в Женеве не так давно, ничего не объясняло. Еще больше меня озадачила реакция боевиков. Они явно напряглись и даже немного растерялись.

Это как так? Мы же тут все маги, и уж освоить щитовик хотя бы на начальном уровне может каждый.

Косарь, справедливо решив, что простой демонстрации недостаточно, рявкнул на замерших боевиков.

– Стволы опустили, убогие! – прорычал он, с показной неторопливостью доставая из наплечной кобуры монструозного вида револьвер.

Понятия не имею, что за заряды у него там запакованы, но, думаю, по мощности они мало чем уступят не то что швейцарскому автомату викинга, но и противотанковому ружью.

И ведь сработало! Причем я совершенно не уверен, что больше – зверская физиономия и эманации опасности, ис-

ходившие от Косаря, или его легкость в обращении со щитовиком. Среагировать оперативно вслед за напарником я не успел, так что уже не видел смысла дергаться. Просто изображал из себя эдакого напрочь гражданского эксперта, которого пригласили в качестве узкоспециализированного инструмента.

Викинг что-то проворчал, и стволы трех автоматов опустили к полу. Косарь, опять же явно напоказ, погасил силовое поле, словно намекая, что сможет запустить его быстрее, чем соперники успеют выстрелить.

– Ты бы позвонил своему шефу, а то так и до беды недалеко.

Викинг пару секунд поиграл желваками, но все же решил внять разумному совету оппонента. Достал телефон и закаркал в него что-то то ли на датском, то ли на шведском. Я их не очень различаю.

Что именно ему ответили, мы, конечно же, не услышали, но викингу это явно не понравилось. Вон как беднягу перекосило.

– Хорошо, идти за мной. Если не то – получишь пуля.

Косарь в ответ только хмыкнул и, чуть наклонившись ко мне, громким шепотом, который наверняка слышали и в конце коридора, сказал на общем:

– Какой речистый, прямо Цицерон.

В этот раз викинг даже зубами скрипнул, но к агрессии не перешел и опять взял на себя функцию впередиидуше-

го. Двое его помощников двинулись следом, и, честно говоря, ощущать на своей спине не самые добрые взгляды вооруженных людей было не очень-то уютно. А вот Саня буквально излучал веселую бесшабашность. Я даже позавидовал ему. Сам иногда впадал в подобное состояние, но только на очень короткое время и на пике адреналинового всплеска. А он на голубом глазу нахамил явно опасными ребятам и в ус не дует. Ну и кто из нас псих?

– Ты откуда о Цицероне знаешь? Почитываешь древних философов? – тихо спросил я, когда мы двигались куда-то вглубь владений голландской группировки.

– Не, – как-то даже возмущенно фыркнул Косарь, словно я обвинил его в чем-то непристойном. – Был у нас один шустрила с такой погремухой. Болтливый до тошноты. Его Пахом так обозвал. Думаю, что в масть.

Мы прошли еще два коридора, миновали более усиленный пост охраны и спустились на этаж ниже. Дальше шел коридор, богато отделанный тканевыми обоями и встроенными в стену подсвечниками, в которых даже были закреплены настоящие свечи, но они, конечно же, не горели.

За массивной деревянной дверью нас ждало что-то наподобие приемной перед кабинетом большого начальника. Место секретаря за столом из резного ореха оказалось пустым. Посреди комнаты установлен мольберт, на котором разместили картину в вычурной раме.

Похоже, мы пришли.

Викинг отошел на два шага в сторону и угрюмо уставился на нас. Саня тоже сделал два шага, но уже в другую сторону и практически придворным жестом указал на картину:

– Давай, Назар, работай.

– Ты мне еще фас скажи, – проворчал я в ответ.

На это Косарь лишь хмыкнул и улыбнулся еще шире.

Ох, не нравится мне его веселье. Как бы все это у него не на нервной почве, в предчувствии больших неприятностей. Впрочем, сейчас не до подобных странностей.

Как это обычно и бывало, когда некий человеческий гений вкладывает в свое детище большое количество энергии творения, ощутить особый энергетический фон талантливого оценщик мог уже за несколько метров. А я себя считал достаточно одаренным. Поняв, что дело серьезное, я остановился и внимательно осмотрел полотно.

На небольшой картине был изображен угрюмого вида бородатый мужчина в классической для таких изображений позе: со сложенными на животе руками. Он был одет в шелковый колет. На голове шляпа с пером, а шею охватывала штука, очень похожая на абажур. Называется это недоразумение горгера. Знаю, потому что интересовался, в попытке понять, на фига вообще нужно цеплять на себя что-то настолько неудобное.

Даже моих скудных познаний вполне хватало, чтобы чисто визуально опознать стилистику работы голландских мастеров. То, что картина является подлинником, стало оче-

видно еще на подходе, по энергетическому фону. Теперь оставалось понять, кто именно из земных гениев сотворил подобное и что за свойства появились у картины после попадания в магическое поле Женевы. От этого зависело, сколько она будет стоять. Если воздействие картины на окружающих людей является положительным или хотя бы нейтральным, то озвученную Косарем сумму она перекроет с лихвой. Был относительно приемлемый вариант и с отрицательными свойствами, но это если удастся выяснить имя его создателя и вывезти картину на Большую землю. Когда иссякнет магический заряд, можно просто продать как художественное произведение.

Когда я подошел к картине вплотную, сразу ощутил, что полотно как минимум вызывает у смотрящего на него человека ощущение собственного величия. Неплохое приобретение для нарцисса, но все же не мешает узнать автора и понять, стоит ли она... да что уж там, наверняка эта великолепная вещь стоит очень много...

Так, стоп! Что значит «наверняка» и «великолепная»? Я еще даже автора не определил! Откуда такая уверенность? Сразу появилось ощущение дискомфорта.

Самое интересное, что фиг бы я что заметил, если бы не имел постоянной практики обработки непонятно откуда берущейся в моей голове информации и даже эмоциональных всплесков. В моей работе это было очень важно, потому что запечатанная в произведениях искусства энергия творе-

ния несла в себе отголоски души творца и не спутать то, что навеяно даром, с собственными фантазиями было не так уж просто. Но тут что-то совершенно другое – грубое и какое-то неуклюжее.

Как только я осознал аномалию, тут же смог вычленить из собственных мыслей нашептанное кем-то извне. И этот шепот был крайне назойливым. Ощущение дискомфорта стало намного сильнее, и захотелось отступить подальше от картины, но в тот же момент проявилась недавно приобретенная и, как по мне, не совсем здоровая привычка тянуться ко всему непонятному, пусть даже оно и отдает предчувствием опасности.

Столкнув пальцем свои очки с зелеными стеклами со лба на нос, я еще раз осмотрел картину и увидел, что никаких проклятий на ней нет. Или же просто их не разглядеть через не такой уж мощный артефакт.

Так, теперь пришел черед тактильного получения информации. Я шагнул еще ближе. Шепотки в голове усилились, но пока они не особо влияли ни на мое самочувствие, ни на мои размышления. Как только я прикоснулся к шероховатым наплывам краски на холсте, ситуация мгновенно изменилась. Я понял, что именно передо мной, а то, что сидело внутри картины, осознало, кто есть я, и тут же начало действовать. Это на меня сущность не могла серьезно повлиять за столь короткое время, а что касается остальных...

– Косарь! – заорал я, судорожно пытаюсь одновременно

достать и щитовик, и револьвер. Перед Заряной это действительно получилось намного лучше. А вот у кого не было проблем с подобными телодвижениями, так это у моего компаньона. Саня успел не только достать щитовик и свой револьвер, параллельно запуская силовое поле, но и начал стрелять. Одновременно с этим он сделал два шага в сторону, опять закрывая меня от пуль.

Когда я наконец-то сумел запустить свой щитовик и выглянул из-за плеча Косаря, все три наших сопровождающих уже лежали на земле. Судя по всему, живым был только викинг, судорожно пытающийся зажать едва ли не фонтанирующие кровью дыры в своей груди.

Как это обычно и бывало, адреналиновый прилив потащил за собой взрывную активацию сосредоточения моего энергетического запаса, что тут же разогнало дар до максимума. Я постарался успокоить разбушевавшуюся магическую борю, потому что в таком состоянии Живая сила тратилась с невероятной скоростью, а дар забивал голову ворохом абсолютно бесполезной информации. Тут же навалилось ощущение горького привкуса от разлившейся вокруг энергии разрушения, порожденной гибелью двоих живых существ. И именно на этом контрасте я сумел уловить за спиной очень слабые отголоски энергии творения. Кажется, в стене за столом секретаря имелся тайник.

Или не тайник? Я бы вообще его не заметил, если бы там что-то не сдвинулось, нарушив энергетическую статичность

конструкта, а это значит...

– Саня, сзади! – опять крикнул я и тут же, как на уроках, чуть согнув колени, закрылся силовым полем.

Мне очень повезло, что в суматохе выставил щит не прямо, а под небольшим углом. Через открывшуюся дырку в фальшпанели тайника, в котором вместо каких-нибудь сокровищ или секретных бумаг находился контролировавший ситуацию стрелок, выглянуло дуло автомата. Короткая очередь ударила и по слуху, и по нервам, так же как и взвизгнувшие в рикошете пули. И тут же послышался хрустальный звон разлетевшейся печати моего силового щита. Третья пуля из короткой очереди рванула меня за правое плечо. От неожиданности и из-за не совсем правильной позы я чуть развернулся и начал заваливаться на пол. И все же при этом успел дважды выстрелить в направлении фальшпанели. Как оказалось, мое заваливание вышло крайне удачным, потому что Косарь в каком-то на удивление изящном пируэте не только сумел развернуться в направлении новой угрозы, но и перепрыгнуть через меня, вновь закрыв своим щитом. Меня даже клюнула зависть, что у него-то силовое поле по-прежнему цело. Мало того, даже еще одна очередь сквозь отверстие в стене не сумела разбить энергетическую защиту Косаря. А вот всего два громогласных ответных выстрела из артефактной бандуры явно прервали жизнь потайного стрелка.

– Еще есть где нычки? – спросил меня Саня, осторожно

осматриваясь по сторонам.

– Вроде нет, – ответил я, поднимаясь с пола и аккуратно двигая правой рукой.

Похоже, пуля прошла вскользь, разорвав ткань сюртука. А ведь как ее расхваливала Заряна! С другой стороны, возможно, именно благодаря костюмчику я и отделался царапиной. Впрочем, кажется, рана не такая уж пустяковая: ткань уже успела пропитаться изрядным количеством крови.

Я, конечно, не рассчитывал на сочувствие бандюка, но тот и вовсе зашел с обвинений:

– Че за хрень сейчас была? Второй раз из-за тебя влипаем!

– Из-за меня? Ты сейчас серьезно?! – разозлился я на совершенно беспочвенные обвинения.

– А из-за кого еще? С чего это у них крыша вдруг поехала? По твоей роже вижу, что знаешь, что тут творится. Они попытались нас кончить после твоего визга.

– Моего визга? Косарь, это было предупреждение. То, что сидит в картине, приказало убить нас.

– В картине? – Было видно, что мой собеседник ярится именно от того, что действительно не может понять, что тут происходит. – Что за бред?

В ответ я лишь устало вздохнул. А когда попытался напомнить моему собеседнику, что мы сейчас находимся не где-нибудь в Тамбове, а в Женеве, городе, название которого давно стало синонимом всего необычного и невозможного, Косарь резким жестом заставил меня замолчать.

– Тихо!

Я сначала не понял, что именно его насторожило, но затем сам услышал приглушенный взрыв. За ним еще два, но уже значительно громче. Мы тут же дружно и быстро зашагали поближе к двери, через которую совсем недавно попали в это помещение. Правда, по дороге я на десяток секунд застыл в ступоре, и было от чего. Сунув явно разряженный револьвер в наплечную кобуру, Косарь достал сзади из-за пояса пистолет и с ходу, не прекращая движения, двумя выстрелами прострелил голову все еще постанывавшему викингу. Я, конечно, слышал, что в человеюниках очень простые и даже незамысловатые нравы, но чтобы такое...

Впрочем, чему я удивляюсь? С волками жить – по-волчьи выть. Тут как бы свою жизнь сохранить, а не беспокоиться о бесчеловечном поведении одного бандита с другим раненым бандитом.

Догнав Косаря, который не только успел добраться до двери, но и даже запереть ее изнутри, я так же, как и он, прислушался к тому, что происходило снаружи. Там что-то еще раз грохнуло, затем послышались приглушенные автоматные очереди. К моему удивлению, на физиономии Косаря расплылась улыбка.

– Ну и чему радуемся? – выпустил я из себя немного раздражения.

– Тому, что к нам подоспела подмога, – с легкой издевкой ответил Саня. – Думаешь, я сунулся бы сюда без прикрытия

парочки местных паханов? Кстати, у них к голландцам имеются свои предъявы. Слишком уж борзо стартанули новички.

– А как... – попытался я задать очевидный вопрос, но Косарь тут же ответил, не дожидаясь окончания предложения:

– Думаешь, только у вас, стукачей, есть магические свистки?

Ну вот что ты с ним будешь делать? Вроде прикрывали друг друга в бою, уже начали налаживать относительно нормальное общение и пикировки наши походили больше на дружеские, чем откровенную грызню, а тут вот прямо на ровном месте неприкрытое хамство. Хотя я уже давно не мальчик, и пора перестать обижаться на правду. Слов из песни не выкинешь. Это для нормальных людей внештатный сотрудник и агент жандармерии – это нормальное и даже поощряемое явление. Но для таких, как он, я просто стукач – личность, не заслуживающая уважения.

Ну и хрен с ним, я не сто долларов, чтобы всем нравится. Дальнейшее размышления пришлось прервать, потому что Косарь заорал как оглашенный:

– Атас!

После этого малоинформативного заявления он отпрыгнул от двери вдоль стены. Я попытался последовать его примеру, но явно опоздал. За дверью что-то грохнуло и развалило ее на кучу щепок. Взрывная волна закрутила меня волчком. Помещение тут же заволокло пылью от разрушенных

стен.

Пару секунд я лежал без движения, прислушиваясь к возможным повреждениям в организме. Пару раз мне что-то сильно прилетело в корпус, и не удивлюсь, если увижу несколько щепок, торчащих из моей многотрадальной тушки. Но быстрый осмотр показал, что либо я слишком мнительный, либо костюмчик от Заряны стоил даже больше своих денег. В остальном вроде все было нормально, кроме звона в ушах и абсолютного нежелания что-либо делать. Но все же пришлось переселить себя и немного отползти от раскученного дверного проема. На всякий случай запустил силовое поле щитовика и вновь вытащил револьвер из кобуры.

И зачем я его туда сунул? Решил, что все закончилось?

Плохо различимый через заполнившую комнату пыль Косарь тоже явно готовился к бою. Но вместо атакующих нас голландцев из проема прилетел грубый и резкий окрик.

– Косар! – почему-то лишив прозвище моего напарника мягкого знака, заорал незнакомец и тут же добавил на общем: – Ты там еще живой?

– Йохан, еханный ты по голове?! – полувопросительно откликнулся по-русски Саня. Затем добавил на общем: – Что за бардак ты тут устроил?

В постепенно развеивающейся пыльной завесе проявилась громадная фигура незнакомца. Он тоже был вооружен револьвером, который оказался еще больше, чем оружие

подручного Пахома. Переваливаясь словно медведь, вышеупомянутый Йохан вошел в комнату и угрюмо заявил:

– Я смотрел в словаре, как ты советовал. Не нашел, зато добрые люди растолковали. Не надо меня больше так называть.

– Я попробую, но не уверен, что получится, – ощерился в ответ мой невольный напарник и шагнул навстречу явно хорошо знакомому человеку.

Они с хлопком скрепили рукопожатие.

– Обязательно было взрывать все это?

– А я и не взрывал, – с видом разбившего банку варенья ребенка немного даже обиженно ответил местный бандит. – Они там что-то прицепили на дверь, хотели к вам в гости наведаться, ну я и шарахнул по ним, а оно как рванет.

Может, первое впечатление было и неверным, но этот скандинав, который вместо бороды предпочел таскать шикарные бакенбарды, описывал происходящее с восторгом подростка. Правда, обманываться такой непосредственностью не стоило. Наверняка у него руки в крови не то что по локоть, а, учитывая простоту местных нравов, по самые уши.

– Вообще-то, это я у тебя должен спросить, что тут происходит. Они словно с ума сошли, – искренне озадаченным тоном сказал Йохан. – Мы и раньше замечали, что у этих голландцев с головой не все в порядке, а тут вообще рехнулись. Даже разговаривать не стали, сразу начали стрелять.

– Не поверишь, сам в шоке, – заявил Косарь и покосился на меня, – но есть идея, кто может нас просветить. Что скажешь, Псих, ты ведь уже что-то понял?

– В принципе, понял, – ответил я, продолжая отряхивать пыль с одежды в явно безнадежной попытке хоть как-то привести ее в божеский вид, – но нужно кое-что проверить.

– В смысле? – опять начал злиться Косарь. – Говори яснее.

– Скажу, когда окажусь вон в том кабинете. – Для большей ясности я ткнул пальцем в сторону двери, явно ведущей в апартаменты начальства.

– Ну, мы туда так и так собираемся, – с какими-то даже примирительными нотками в тоне заявил здоровяк Йохан и первым отправился в указанном направлении.

Косарь раздраженно поморщился, но ничего добавлять не стал. Конечно, можно было бы поделиться с ним предположениями, но я и сам немного разозлился. Стрессовая ситуация и необоснованные претензии жутко бесили. К тому же хотелось сначала самому разобраться в сложившейся ситуации. Дело в том, что в момент, когда началась вся эта катавасия, я ощутил, что к сущности, сидевшей в картине, со стороны кабинета пришел некий сигнал, и мне очень хотелось посмотреть, что же там находится.

Йохан подошел к двери и, прищурившись, уже даже нацелил на замок свой громадный револьвер, но потом передумал. Вместо радикальных действий он аккуратно нажал на дверную ручку и потянул ее на себя. К нашему общему

удивлению, дверь оказалась не заперта.

Такое впечатление, что мы переходили через портал из одного мира в другой. Позади нас оставался какой-то постапокалиптический разгром, а впереди встречала роскошь викторианская эпохи. Мебель в огромном кабинете была показательно вычурной и практически вся имела элементы позолоты. Что-то мне подсказывало, что и материал для нее тоже выбирался очень дорогой. Впрочем, не это волновало больше всего, потому что взгляд моментально прикипел к двум картинам, висевшим за громадным рабочим столом у дальней стены. Становилось понятно, что до этого я видел всего лишь одну часть самого настоящего триптиха. Да тут и гадать нечего, потому что по одному расположению этой парочки картин явно подразумевалось место для третьей.

Что касается самих картин, то там изображены еще два мужика. Тот, что слева, – мужчина средних лет примерно в такой же одежде, как и увиденный мной ранее. А вот в центре всей композиции был изображен старик, который зачем-то нацепил на себя настоящую кирасу. Зато он обошелся без абажуроподобного воротника. Да и седую шевелюру тоже прикрывать не стал. Но все это мелочи, больше всего притягивал и пугал взгляд старика. Казалось, что на меня смотрит не изображение, а живой человек, ну или его призрак.

– Ближе не подходите, – сказал я через плечо своим спутникам и осторожно направился к столу.

– Лучше не надо, – послышалось за спиной.

Я уже подумал, что Косарь таким образом пытается вразумить меня, но бандит тут же добавил:

– Он, конечно, псих, но дело свое знает.

Вот я сейчас прямо зардеюсь от такой похвалы.

Уже через несколько секунд мне стало не до разговоров за спиной. С каждым шагом энергия, которую излучал портрет старика, давила все больше и больше. Если честно, такого я не то что не ожидал, но и представить себе не мог. До стола оставалось еще два шага, и тут в голове возник вполне закономерный вопрос: а оно тебе надо? Ответ самому себе был быстрым и четким: нафиг, нафиг! Так что я крутанулся на сто восемьдесят градусов и бодрой походкой направился обратно, чем вызвал у моих спутников искреннее удивление.

– Пошли-ка отсюда, – сказала я им и тут же показал пример, покидая кабинет.

– Назар, что это сейчас было? – догнал меня Косарь и даже ухватил за рукав, немного разворачивая.

– Еще минуту, – отмахнулся я, чем вызвал у него очередную вспышку раздражения, но, честно говоря, было плевать.

Все, что я понял, находясь в кабинете, так это то, что к картине старика лучше вообще не подходить, а вот с изображением одного из его сыновей, как мне кажется, работать будет немного легче. Так оно и вышло: посторонние шепотки в голове, конечно, появились, но куда им до того давле-

ния, которое исходило от главной картины триптиха.

Я глубоко вздохнул и сконцентрировался, раздувая средоточие Живой силы внутри себя и тем самым подпитывая свой дар. Затем решительно и даже грубо впечатал ладонь прямо в лицо изображения. За спиной недовольно крикнул Косарь. Судя по всему, подручный Пахома наверняка привык к осторожному отношению к произведениям искусства. Возможно, даже прилетало от шефа за небрежное обращение с картинами и тому подобным.

Теперь, когда я отбросил всю осторожность и раскрылся, информация полилась в меня бурным потоком, и ее было так много, что я даже пошатнулся и поспешил разорвать контакт. Точнее, закрыться пришлось по немного другим причинам. Я никогда еще не сталкивался с такой дикой смесью энергии творения и разрушения. К тому же осознал и оценил историю создания картин. Блин, да это же готовый сюжет для ужастика.

Чтобы немного прийти в себя, я присел на один из стульев для выжидающих приема посетителей, стоявших у стены.

– Псих, – прорычал Косарь, нависая надо мной. – Назар!
– Не дави на меня, дай в себя прийти, – отмахнулся я, но все же решил не затягивать с пояснениями. – Когда картины попали в Женеву, в них проявились не просто магические свойства, а практически разумные сущности. Я не могу сказать точно, но они как-то влияют на окружающих. То ли помогают местному пахану, то ли вообще держат его под кон-

тролем.

– А других они могут? – обеспокоенно и не совсем внятно пробубнил Йохан. – Ну типа не голландцев.

– Да хоть китайцев, – фыркнул я. – Все, кто подойдет близко к картинам, имеет шанс заполучить в голове такую кашу, что не разберешь, где друг, а где враг.

– Так вот как они переманивали наших бойцов. Твари! – Здоровяк скрипнул зубами, и я на секунду перестал дышать.

От него повеяло дикой злобой. Даже больше: показалось, что кто-то приоткрыл маленькую дверцу в глубины преисподней. На меня дохнуло настолько концентрированным выбросом энергии разрушения, что стало по-настоящему жутко. Еще больше удивило то, как все это прекратилось – резко и внезапно, словно тот самый кто-то захлопнул зловещую форточку.

Да уж, непростой у меня новый знакомый. Похоже, тут у нас самый настоящий берсерк.

– Ты что-то побледнел, малой, – с обеспокоенностью, причем совершенно искренней, поинтересовался Йохан, и, честно говоря, видеть его участливо-добродушную физиономию после того, что я ощутил секунду назад, было дико.

– Все нормально, – сдавленно просипел я и наконец-то продолжил дышать.

– Ну а мне что делать? – уже даже не раздраженно, а скорее, растерянно спросил Косарь. – Пахом приказал забрать картину.

– Соедини меня с шефом, – устало сказал я, понимая, что решать этот вопрос придется самому.

Косарь активировал контакт в телефоне, дождался ответа и быстро объяснил Пахому сложившуюся ситуацию. Затем вместо того, чтобы отдать телефон мне, просто нажал на отбой. Я даже не успел разозлиться, как в кармане завибрировал мой собственный аппарат. Я, конечно, большой любитель поюморить, привязывая к номерам определенные мелодии, но в случае с криминальным авторитетом делать это поостерегся. Поэтому мелодия была самой что ни на есть стандартной.

– Здравствуйте, Станислав Петрович, – поприветствовал я Пахома.

– Что там не так с моей картиной? – спокойно, но с явным нажимом поинтересовался этот опасный человек. Так что слова ответа нужно выбирать очень тщательно.

– Все не так, Станислав Петрович, абсолютно. Это тот самый случай, который мы с вами обсуждали. Мне придется сообщить о картинах сами понимаете куда.

– А если попрошу тебя не делать этого? Я так понимаю, вещи уникальные.

– Тогда я в ответ очень-очень попрошу вас прислушаться к моему совету. Вещи действительно уникальные, но до предела опасные. Я, конечно, могу ошибаться, но, по-моему, одну из картин пытались подсунуть вам специально, чтобы взять под контроль.

– Даже так? – задумчиво ответил криминальный авторитет.

Если честно, я даже немного поежился от холода в его голосе.

– Станислав Петрович, лично я к портрету старика даже близко не подойду. Это не телефонный разговор, но если захотите, приеду в любое время и подробно объясню, что почувствовал и какие выводы сделал.

– А если вывести их из Женевы и продать?

– Не думаю, что получится, – не уступал я разохотившемуся авторитету. – Там такая темная история, что хоть сразу бери и книгу пиши, но на этом все, антикварной ценности в картинах почти нет. Разве что возраст.

– И что за история? – все же не утерпел Пахом.

Я лишь мысленно вздохнул и постарался сжато описать события, так сказать, старины глубокой:

– Пригласил один богатый голландский олигарх талантливого ученика маститого художника и заказал ему портреты себя и двух сыновей. Может, этот художник когда-нибудь и стал бы очень известным, но, когда принял заказ, он не знал, что рисовать будет красками, замешанными на человеческой крови. А еще в планах старика было покрасить кровью художника рамочки для картин.

– Ты уверен в том, что говоришь? – спросил Пахом, которого явно заинтересовала эта история.

Мне даже на секунду показалось, что я переборщил и он

не сможет отказаться от столь оригинального экспоната в своей коллекции и затребует хотя бы портрет одного из сыновей. В смысле ту картину, что находится сейчас рядом со мной. И все же Пахом явно неспроста добрался до верхов криминального сообщества, и чуйка на опасность у него сродни магическому дару. К тому же он не первый день в Женеве и прекрасно знает, на что способны подобные вещи.

– Станислав Петрович, мы с вами уже обсуждали мой дар, так что это вполне может быть плодом моей больной фантазии. Но опять же, повторюсь, к картине старика я близко не подойду и не советую никому другому делать этого без должной защиты и подготовки. Вы можете закрыть своих людей от ментального воздействия непонятного происхождения?

– Хорошо, – пусть с ноткой недовольства, но все же согласился с моими доводами Пахом и тут же добавил: – Звони своему куратору. Косарь побудет с тобой, пока не приедут спецы, ну, чтобы тебя никто не обидел. И с тебя подробный рассказ.

– Конечно, Станислав Петрович, и спасибо, – искренне поблагодарил я, услышав в ответ лишь сигнал прекращение соединения.

Через минуту загудел телефон Косаря. Он прочитал сообщение и недовольно сморщился:

– Йохан, проверьте здесь все. Забирайте трофеи и валите.

В кабинет не суйтесь, им займутся легавые.

– То есть как? – угрюмо спросил здоровяк, который явно собирался поискать тайники именно в кабинете.

– Так нужно, – раздраженно и устало ответил Косарь. – Приказ Пахома.

Похоже, авторитет пахана из славянского квартала имел вес и в скандинавском человеичике. Так что Йохан лишь что-то проворчал, а затем махнул рукой своим людям.

Пока он не ушел, я поторопился влезть со своей просьбой:
– У вас не найдется кого-то, кто может посмотреть мою рану?

Йохан покосился на мое плечо и презрительно фыркнул. Наверняка в его понимании эта царапина вообще не достойна внимания, но все же что-то заорал по-шведски в проем вывороченной двери. Через минуту оттуда явился сухощавого вида человек, немного несуразно выглядящий на фоне остальных звероподобных подручных Йохана. Он даже не стал просить меня снять сюртук, просто приложил ладонь поверх пропитанного кровью рукава. По плечу пробежалась волна теплоты, и лекарь, так и не сказав ни слова, ушел. Я не стал ронять себя в глазах Йохана еще больше и не бросился раздеваться, проверяя состояние раны. Просто взялся за телефон и позвонил, как выразился Пахом, своему куратору.

– Добрый вечер, Иван Иванович, – поздоровался я с еще одним очень авторитетным персонажем. Человеком назвать

его не получится, потому что это совсем не человек. Даже близко. И его чистая русская речь не должна вводить никого в заблуждение – ни человеческого, ни человеческого там нет ни капли.

– Ох, что-то мне подсказывает, что он совсем не добрый, – проворчал в ответ гоблин. – Ты что опять натворил, залетчик?

Кто бы сомневался, что эта жаба опять начнет меня троллить. Но я не расстроился, потому что знал, как отомстить, и радостно сообщил:

– А у меня тут энергетическая аномалия А-класса.

– А-класса? – быстро растеряв желание прикалываться, уточнил гоблин. – Ты ничего не путаешь? Если напрасно заставишь меня...

– Иван Иванович, вот честно, я так устал, что можете меня хоть на ленточки порезать, если я ошибся. Убеждать вас у меня нет ни сил, ни желания. Либо приезжайте сюда, либо я просто валю домой и ложусь спать. И плевать, кто тут после этого сдохнет и насколько мучительной смертью.

– Ладно, – сказал гоблин. – Ты где?

– В Одине, – спокойно заявил я, понимая, как взбешу Иваныча этим заявлением до предела.

Так оно и вышло. Гоблин что-то сдавленно квакнул и отключился. Подняв глаза, я увидел, что моя фраза о мучительной смерти явно озадачила и Косаря, и уже вернувшегося Йохана. А еще мой шуточный тон явно поселил в их

головах сомнения. И эти сомнения разгорались с каждой секундой.

– Блин, и вы туда же, – разозлился я. – Йохан, если хочешь, выбери кого не жалко и пошли снять со стены картину со стариком. Сразу предупреждаю: скорее всего, этого бедолагу придется пристрелить. Если не сразу, то через пару дней.

Я, конечно, сгущал краски, но не думаю, что так уж сильно. Концентрация смеси энергии творения и разрушения была настолько мощной, что понятия не имею, что произошло бы, подойди я к картине вплотную и тем более прикоснись к ней.

Здоровяк задумался, а вот Косарь тряхнул головой, как скаковая лошадь, и быстро отбросил все сомнения. И тут дело не в моей убедительной речи, а в авторитете его шефа, который поверил мне практически сразу и без долгих разбирательств.

К счастью, долго засиживаться с Косарем не пришлось. Он явно перестал получать удовольствие от моей компании, если не сказать больше. Минут через двадцать в комнату вошел один из подручных Йохана и махнул рукой Косарю. Все бандиты куда-то исчезли, а в помещение буквально ворвался особый комиссар жандармерии.

Коротышка в костюме десятых годов прошлого века, в котелке и с жабообразной мордой, возможно, выглядел бы смешно, если бы я не знал, что именно он собой представ-

ляет. Впрочем, наверняка есть вещи, которых я не знаю и, честно говоря, знать не хочу. Уверен, у французов, которым мой куратор известен как Ивон Секатор, при встрече с этим персонажем поводов для смеха еще меньше.

– Рассказывай, что ты тут наворотил, – практически пролаял гоблин.

Обычно он говорил на русском, да и на любом другом языке, настолько чисто, что если отвернуться, то совершенно не заподозришь, что рядом с тобой не человек. Но это не его достижение, а особенность всей расы. Речевой аппарат у них не был растянут, как у людей, от голосовых связок до губ, а весь находился в специальной трубке в гортани, которой они пользовались очень умело, можно даже сказать виртуозно. Но сейчас Иванычу было явно не до акустической мимикрии. И это показывало, как мало он был склонен к восприятию шуток. Так что я весь подобрался и едва ли не вытянулся по стойке смирно. Затем быстро, четко и максимально кратко описал сложившуюся ситуацию.

– Так, с этим понятно, – выслушав меня, после небольшой паузы сказал гоблин. – Кстати, ты не знаешь, куда пропал Бисквит? У него телефон отключен.

– Только не говорите, что не можете отследить такого крупного парня, – удивленно сказал я, чем почему-то вызвал раздражение гоблина.

– Хватит хохмить, – теперь уже полностью на чистом русском и даже старательно имитируя ядовитые интонации ска-

зал Иваныч. – Ты что, действительно настолько тупой и до сих пор не понял, что Бисквит является одним из лучших артефакторов Женева? Если он захочет, то его даже с помощью ритуала жриц Глубокой Тины не найти.

Да уж, я, конечно, знал, что мой стеснительный друг крут в своем деле, но чтобы настолько...

Было огромное желание не сдавать своего зеленокожего товарища, но, боюсь, неприятностей тогда огребу целую охапку. И все же я попытался хоть как-то помочь бедному жениху:

– Иван Иванович, сейчас у него очень хреново дела. Вы слышали, что нашего орка умудрились женить?

– Ух ты, – удивленно квакнул гоблин. – Надеюсь, он там не повесился с горя?

Вот тут я, честно говоря, не смог определить – шутит Иваныч или искренне обеспокоен за своего эксперта. Возможно, я слишком уж легкомысленно отнесся к этой новости. Мало ли как там у орков с этим делом по жесткости.

– Поверьте, там, где он сейчас, ему не то что повеситься, даже особо огорчиться не позволят. Если можно, отсрочьте дело до утра. Пусть парень отойдет, а потом запрягайте в любую телегу, поверьте, он точно вытащит.

Гоблин задумался, но все же решил смилостивиться. Видно, в этом деле присутствие Бисквита если и обязательно, то не настолько срочно.

– Хорошо, только присмотри за ним, к шести утра он дол-

жен быть на связи.

– Ровно в шесть ноль-ноль, – клятвенно уверил я куратора и так стукнул себя кулаком в грудь, что сморщился от резкой боли в плече.

Неплохо поработал лекарь Йохана, я даже забыл о том, что вообще был ранен. Правда, сейчас вспомнил, и было не очень весело.

– Ладно, вали туда, где ты спрятал своего кореша, и позаботься, чтобы все было хорошо. Тут ты нам уже не нужен. И не вздумай отключать телефон!

– Так точно, месье комиссар! – ехидно заявил я и даже щелкнул каблуками.

– Месье особый комиссар, – уточнил гоблин и добавил с рычащими нотками: – Перестань паясничать! Мы не в цирке.

Затем практически без паузы он продолжил рычание, только взвинтив громкость и углубив горловую вибрацию. Я потихоньку начал учить оркский, но все равно смог разобрать лишь что-то о полной блокировке и оцеплении.

– А как мне... – напомнил я о себе, но Иваныч лишь отмахнулся и буркнул:

– Бенедиктус подвезет.

К этому времени пыль в приемной и коридоре уже улеглась, и все выглядело более или менее нормально, лишь выделялся развороченный дверной проем с осколками самой двери. А вот дальше начинался сущий пост-апокалипсис.

Особенно впечатлила разруха возле усиленного поста охраны. Там вообще были снесены все внутренние перегородки целых двух этажей. Получилась эдакая пещера. Даже возникло опасение, не привалит ли меня здесь. Но, судя по уверенному поведению уже хозяйничавших вокруг жандармов, никакой угрозы не было. Тут же вспомнились прочитанные еще в родном городе статьи об особенностях постройки челоуейников и описания материала, из которого они буквально слеплены. Я даже наклонился к куче похожего на щебень крошева и поднял небольшой кусок. Он был необычайно легким и чем-то похож на пемзу.

Попетляв между завалами, я выбрался в относительно неповрежденный сектор и продолжил путь по уже знакомому маршруту. Пока шел, сумел по достоинству оценить масштаб развернутой гоблином операции. Тут были и люди в жандармской форме, и орки в мощной броне. Если честно, все эти кирасы, наплечники и шлемы выглядели немного старомодно и казались бы нелепыми, не знай я, какие на них наложены мощнейшие чары и какие зубастые духи живут в амулетах этих здоровяков. Кроме того, мимо меня протопала парочка гоблинов, одетая во что-то среднее между маскхалатом и шутовским одеянием. Эти точно смешными не казались даже на первый взгляд, а на второй, для тех, кто знал, что перед ними гоблинские жрецы, тем более.

Да уж, развернулся мой куратор, во всю ширь своей гоблинской души. И это учитывая тот факт, что челоуейники

имеют серьезную степень независимости от городских властей и особенно жандармерии. С одной стороны, это льстило моему самолюбию: он сразу поверил моей оценке ситуации. С другой стороны, стало откровенно жутковато от мысли, что я мог где-то напортачить и ошибиться. Последствия даже представить страшно. Впрочем, чего париться, я все сделал правильно, и вряд ли у Иваныча будут ко мне какие-то претензии.

Даже забудь я дорогу обратно, смог бы найти ее по оцеплению и натянутым везде жандармским лентам. Летающий магокар инспектора обнаружился практически на том же месте, где раньше стоял кабриолет Косаря. Бенедиктус, как обычно, скучал на водительском месте. То ли водитель, то ли телохранитель, то ли напарник Иваныча редко покидал мобиль, а уж если делал это, то в округе точно кто-то прощался с жизнью.

Я без особых церемоний забрался на заднее сиденье. Переднее, пассажирское, было на веки вечные закреплено за гоблином. И дело тут не в таблице о рангах, а в том, что настройка посадочных мест практически во всех автомобилях, переоборудованных под реалии Женевы, дело сложное и индивидуальное. Если учитывать, что приходится подгонять конфигурацию, начиная с пятой точки орков и заканчивая костлявыми сидалищами мелких гоблинов, вряд ли кто-то согласится морочиться, подстраивая кресло под меня.

В общем, соблюдая все приличия, я уселся на мягкое си-

денье магокара и поздоровался с водителем:

– Приветствую вас, ор Бенедиктус.

– Привет, – рыкнул мне в ответ здоровенный орк, едва не заставив меня подпрыгнуть прямо в положении сидя.

Обычно он не был таким разговорчивым. Через секунду эта громадина добила меня, добавив:

– К твоей подруге?

Охренеть! Это либо что-то сдохло в оркском лесу, либо Бенья где-то ударился головой, ну или мой статус в глазах орка немного повысился. Если честно, не хочу и гадать – любой вариант напрягал своей непредсказуемостью.

– Д-да, спасибо, – наконец-то выдавил я из себя и, судя по всему, своей ошарашенной физиономией сумел рассмешить вечно замкнутого в себе здоровяка. Слава богу, я знал, как смеются орки, так что не выскочил из машины, услышав этот рокочущий звук.

Резкий взлет вдавил меня в сиденье, а затем точно так же в спинку, когда магокар стремительно начал набирать скорость.

Шикарная вещь! Жаль, что мне такая не светит ни при каких раскладах.

Когда неслись над крышами Серой Женевы, я задумался над тем, почему так настороженно отношусь к напарнику куратора. Только сейчас, после «общения» с картинами голландцев, в которых первозданная энергия творения смешалась с не менее древней энергией разрушения, а главное,

после того, как ощутил посыл кристально чистой, ледяной злобы от Йохана, стало хоть немного понятно. Беня напрягал меня тем, что от него хоть и не веяло той самой энергией разрушения, но я подспудно чувствовал ее, словно запертую за сейфовой дверью, при этом в любую минуту готовую вырваться наружу.

Я не рискнул лезть со своими пожеланиями к странно ведущему себя сегодня орку, но он проявил удивительную тактичность, посадив магокар прямо на набережной Роны, в самом начале улицы художников. Конечно, мне придется пройти немаленькое расстояние пешком, но лучше так, чем лишний раз светиться на фоне явно жандармской машины.

Вежливо и осторожно поблагодарив Бенедиктуса за помощь, я пошел по ночной улице, которая, в отличие от многих в этом районе, и не думала засыпать. Гулянка в парке как раз набрала максимальные обороты, но Бисквита я почему-то не увидел. Так что срочно пришлось искать Заряну. Она нашлась практически на том же месте, где я ее оставил, причем вместе с Ленкой. Похоже, танцовщицы все-таки оттерли готку от крепкого зеленого тела, и сейчас она пребывала в не самом радужном настроении.

Я лишь успел спросить, где мой друг, и получить уверения в том, что с ним все в порядке, как девушки тут же начали кружить вокруг меня как стайка пираний.

– Ты опять испортил костюм, – заявила Лена с явным укором, а вот Заряна, за что я был ей безмерно благодарен, вы-

смаatrивала не дырки в своем любимом творении, а повреждения на теле своего бывшего любовника.

– Что с тобой случилось? – тревожно спросила рыжая.

– Секретная информация, – заявил я, но таким тоном, что было понятно: расколоть меня можно, приложив для этого определенные усилия и без широкой аудитории слушателей.

Девушки тут же утащили меня за собой, причем не в собственные апартаменты и даже не в мастерскую Заряны, а в барбершоп Лены. Как оказалось, кроме всяких примочек, увлажняющих масок и завитушек для бород, она очень неплохо справлялась с применением магических средств скорой медицинской помощи.

За пару минут я был раздет практически догола, причем выйти за рамки приличия не позволила именно Заряна, хотя по озорным взглядам Лены было видно, что она бы меня точно вогнала в краску. Но после этого я все же сумел оценить ловкость и умения брюнетки.

Девушка быстро нашла все повреждения на моей коже, обработала их и залепила специальными пластырями. Рана на плече оказалась не такой уж серьезной, ну или это последствия воздействий одаренного лекаря.

В это время Заряна сбегала в свой магазин и притащила широкие брюки и распашонку для художников. В зеркале я увидел очень непривычную картину, но смешной и нелепой она не казалась. Ну а затем они принялись колоть меня, и я все же сдался в обмен на обещание до утра обеспечить мне

нормальный внешний вид. Что-то подсказывало, что долго отдыхать не получится.

– Ну что же, детишки, – тоном сказочника заявил я двум взрослым дамам, внезапно превратившимся в притихших девочек. – Сейчас я расскажу вам страшную историю.

Ну и пустился в такие дебри сочинительства, смешивая правду с фантазиями, что даже сам себе поверил. По максимуму убрал персоналии, сконцентрировавшись на перестрелке и особенно на древней истории создания картин с использованием явно какого-то мистического кровавого ритуала.

Заболтались мы практически до трех ночи, но затем я все же вырубился. Девочки поступили предельно тактично: Заряна уложила меня спать на собственной кровати, но сама не осталась. Не уверен, что смог бы сдержаться, но даже в состоянии адреналинового отката я понимал пагубность последствий такого загула.

Плавали, знаем. Бесплатный секс бывает только в сказках, причем самых наивных. А тут цена обещала быть непопозволительно высокой.

Лучше потерплю и завтра оторвусь с Птичкой.

Глава 3

Несмотря на то, что поспать удалось всего-навсего два с половиной часа, чувствовал я себя не так уж плохо. Конечно, бодрым меня назвать было ну очень сложно, но и снулой камбалой тоже не выглядел. Разбудивший меня в пять тридцать будильник чуть подпортил настроение своей назойливостью, но я быстро разогнал хандру и бодро вскочил с кровати. Облачившись в костюм бедного художника, вышел из спальни. Так как душ принял по большому счету всего пару часов назад, то решил ограничиться лишь умыванием и чисткой зубов. Заодно выгрузил в пластиковый стакан зубные щетки Заряны и Лены, тем самым освободив огромную глиняную кружку, подаренную рыжей кем-то из местных скульпторов. Затем на кухне в медной кастрюльке сварил сразу пять порций кофе. По одной нам с Заряной и три в глиняного монстра для моего зеленокожего друга. Конечно, до Иваныча в приготовлении кофе мне очень далеко, но Бисквит вроде ценит мой оригинальный рецепт, с добавлением особого декокта.

То, что утро для орка будет тяжелым, я понимал и без дара прорицания, так что еще с вечера попросил Лену выделить мне пару капель из ее запасов. Когда, удерживая в руках поднос, спустился в мастерскую, то увидел, что Заряна, как и предполагал, уснула прямо за раскройным столом. Пе-

ред девушкой лежал мой костюм, который даже на первый взгляд выглядел идеально.

– Заряна, – тихо позвал я девушку и осторожно коснулся ее плеча.

Она вздрогнула и подняла голову. Пару секунд сонно моргала, явно не совсем понимая, где находится, а затем улыбнулась.

– Вроде все сделала, – сказала рыжая, принимая у меня чашку с кофе.

Поставив поднос на среднем столике, я начал быстро одеваться. В процессе, когда надевал жилет, случилась заминка. Он почему-то оказался жестче и тяжелее, чем раньше. На вопросительно поднятую бровь девушка ответила:

– У меня тут был незаконченный заказ на бронежилет скрытого ношения. Взяла оттуда пару пластин ультрапластика.

– Проблем не будет? – на всякий случай уточнил я.

– Естественно, – ехидно улыбнулась рыжая. – Ты мне, конечно, дорог, но не настолько, чтобы рисковать репутацией.

Когда я полностью оделся, то увидел, что мой наряд абсолютно чист и полностью цел. Даже разорванный пулей рукав выглядел как новый. Мелькнула мысль доплатить ей за ремонт и усовершенствования, но тут почему-то вспомнилась пусть заезженная и банальная, но все же мудрая истина: поступай с людьми так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой. Лично у меня в такой ситуации предложение денег вы-

звало бы обиду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.